

Томас Майкл Диш

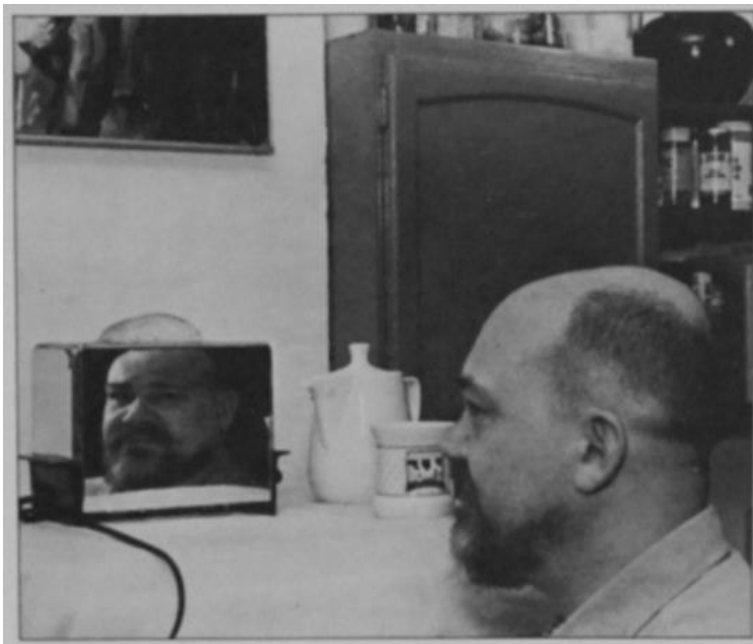
**Славный
маленький
тостер**

2021

**Томас Майкл
Диш**

**СЛАВНЫЙ
МАЛЕНЬКИЙ
ТОСТЕР**

**Паровая типолитография А. А. Лапудева
Москва
Георгиевский переулок, домъ 19
2021**

Томас Майкл Диш. Славный маленький тостер. — Москва, Паровая типолитография А. А. Лапудева, 2021 — 120 с.

Любимые сказки домашних электроприборов.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т. п. Все материалы получены из открытых источников.

© Т. М. Диш, текст

THE BRAVE LITTLE TOASTER

THOMAS M. DISCH
Illustrated by KAREN LEE SCHMIDT

СЛАВНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ТОСТЕР

любимая вечерняя сказка домашних электроприборов

*Живут же ещё люди с чёрною душой.
Которые ни разу не похвалят тостер свой,
Не скажут: «Ты — мой лучший друг,
Надёжный, верный — как никто вокруг.
Красивый, горячий, блестящий
И долгие годы такой работающий».
Давайте же восславим дивное создание
За верность, безупречность и старанье!
И, опуская хлеб, не будем забывать
Ему при этом что-то доброе сказать.
Хотя бы «Как твои дела, дружок?»
Или «Поджарь-ка, знаешь, мне ещё один кусок».*

Томас М. Диш

К тому времени, когда кондиционер поселился в летнем коттедже, он уже здорово сдал: чихал, противно гудел и непрерывно жаловался, что он, мол, старый, бесполезный и несовершенный. Другие электроприборы жалели его, утешали, как могли, но, когда кондиционер, в конце концов, сломался, все почувствовали облегчение: ни с кем из них он никогда не был особенно дружен.

В коттедже осталось только пять электроприборов. Пылесос как самый старый, уравновешенный и надёжный (марка «Гувер»), считался у них за главного. Кроме него, в коттедже жили ещё радио в белом пластиковом корпусе со встроенным будильником (только один диапазон), жёлтое электрическое одеяло добродушного нрава, настольная лампа марки «Тензор», которую принесли из ломбарда (отчего её по ночам иногда одолевали сомнения: лучше она, чем обычная лампа, купленная с прилавка магазина, или хуже), и, наконец, тостер, маленький блестящий тостер «Солнечный луч». Он был

моложе других электроприборов и прожил в коттедже всю свою жизнь, тогда как остальные четверо попали туда из городской квартиры много лет назад.

Небольшой, симпатичный коттедж стоял на северном краю огромного леса, в стороне от других подобных строений и так далеко от шоссе, что ни днём ни ночью туда не доносились никаких посторонних звуков — лишь изредка шумел лес, вскрикивали птицы, успокаивающе поскрипывали доски самого дома да стучал по окнам дождь. Зимой, конечно, тут было холодно, но электроприборам холод нипочём. Они давно привыкли к спокойной загородной жизни и очень любили свой коттедж. Даже если бы им предложили (чего никто никогда не делал) перебраться каждый раз под конец лета в город, как это делали телевизор, кухонный комбайны и электрическая зубная щётка, они бы, скорее всего, отказались. Нет, разумеется, они были преданы своему хозяину (иначе у электроприборов и быть не может), но за долгие годы, прожитые посреди леса, что-то неуловимое изменилось в их привычках, и мысли о каком-то другом образе жизни у них почти не возникали.

Впрочем, тостера это касалось в меньшей степени. Он попал в коттедж прямо со склада торговой фирмы, которая высылала заказанные товары почтой, и поэтому городская жизнь вызывала у него гораздо больше любопытства, чем у остальных. Оставаясь наедине со своими мыслями, он нередко задумывался, какой же тостер живёт у хозяина в городской квартире, но про себя думал, что никто другой не умеет обжаривать хлеб так, как он сам. Не слишком сильно, не слишком слабо, и чтобы тосты получались всегда ровного золотистого цвета! Однако тостер никогда не высказывал этих мыслей вслух, поскольку у каждого из них случались приступы мрачных сомнений относительно собственной полезности. Старый Гувер мог часами ворчливо рассуждать о новых марках пылесосов на маленьких колёсиках, с гибкими шлангами и одноразовыми мешками для пыли. Радио плакалось, что у него только один диапазон. Одеядлу казалось, что ему пора в

химчистку, а настольная лампа не могла без зависти смотреть на обычную 100-ваттную лампочку.

Тостер, однако, был вполне доволен собой. Из рекламы в журналах он знал, что существуют тостеры, которые могут обжаривать сразу по четыре кусочка хлеба, но полагал, что хозяин, который жил один и редко виделся с друзьями, едва ли купит себе такой большой тостер. Когда обжариваешь хлеб, важно не количество, а качество — уж в этом тостер никогда не сомневался.

Жить в таком уютном коттедже, в окружении удивительного леса... Вы можете подумать, что электроприборам не о чем было беспокоиться, не о ком волноваться. Увы, это не так. Они часто пребывали в расстроенных чувствах, ссорились по пустякам, мучились, не зная, чем себя занять. Потому что бедняг бросили.

— И хуже всего, — сказала как-то радио, — это то, что мы не знаем почему!

— Хуже всего оставаться во мраке неведения, — согласилась лампа. — Ни объяснений, ни... А вдруг с хозяином что-нибудь случилось?

— Прошло уже два года, — вздохнуло одеяло, которое когда-то было ярким и весёлым, но теперь впало в меланхолию.

— Почти два с половиной, — поправило его радио. В него был встроен будильник, и оно обладало обострённым ощущением времени. — Хозяин уехал 25 сентября 1973 года, а сегодня 8 марта 1976 года. Значит, прошло уже два года, пять месяцев и тринадцать дней.

— Вы полагаете, уезжая, он уже знал, что не вернётся обратно? — спросил тостер, произнеся вслух то, о чём все они втайне думали, но не решались сказать. — Знал, что оставляет нас, и боялся объясниться? Возможно ли это?

— Нет! — произнёс верный Гувер. — Невозможно! Я с полной ответственностью могу заявить, что наш хозяин никогда не бросил бы коттедж со вполне исправными электроприборами... на съедение ржавчине!

Одеяло, лампа и радио тут же поспешили согласиться, что их хозяин никогда бы не поступил с ними так бездушно. Очевидно, что-то произошло. Какие-нибудь срочные дела. Или несчастный случай...

— Тогда нам нужно набраться терпения и вести себя так, словно ничего особенного не произошло, — сказал тостер. — Я уверен, хозяин надеется, что мы так и поступим.

Так они и поступили. Каждый день, всю весну и всё лето, электроприборы исправно занимались делами, для которых они предназначены. Радио включало свой будильник ровно в 7.30, и, пока из него доносилась какая-нибудь лёгкая музыка, тостер делал вид (поскольку хлеба не было), что готовит два хрустящих тоста. Если же день казался ему почему-то особенным, он представлял себе, что обжаривает кусочек сладкой булочки. Булочки любого сорта нужно нарезать очень аккуратно, чтобы они вошли в щели тостера свободно и не застряли там после обжаривания. Вообще-то лучше всего их готовить в печи, но в коттедже не было печи — совсем ничего не было, кроме старой газовой плитки с одной конфорокой, — и тостер старался, как мог. Впрочем, воображаемые булочки в любом случае в тостерах не застревают.

Такой у них сложился утренний распорядок. А в полдень — по вторникам и пятницам — старый Гувер с грохотом разъезжал по всему коттеджу, собирая ворсинки и пыль. Хотя на самом деле работать ему приходилось не особенно много, поскольку коттедж был маленький и никаких щелей в нём не было вовсе. Пыль и грязь просто не могли попасть внутрь, разве что в те дни, когда сам пылесос выезжал за дверь, чтобы вытряхнуть мешок с собранным мусором под ближайшими к дому деревьями.

Когда наступали сумерки, включалась лампа, и пятеро электроприборов собирались в кухонном углу единственной на первом этаже комнаты, разговаривали, слушали последние известия или же просто смотрели в окна, вглядываясь в тёмный, безлюдный лес. Позже, когда всем остальным электроприборам приходило время отключаться, одеяло забиралось по ступенькам в спальный альков. Ночами в этих местах бы-

вало прохладно даже посреди лета, и одеяло гордилось своей способностью дарить ровное тепло. Как любил хозяин в такие холодные ночи тёплое одеяло! Как уютно и хорошо ему спалось под мягкой жёлтой шерстью с электрическими спиралями! Если бы только он был сейчас здесь!

И вот однажды, в конце июля, когда эта правильная, размеренная жизнь уже совсем перестала казаться электроприборам привлекательной, маленький тостер снова заговорил о наболевшем:

— Так дальше продолжаться не может, — заявил он. — Это неправильно, когда электроприборы живут сами по себе. Нам нужны люди, чтобы мы заботились о них и чтобы они заботились о нас. Иначе мы один за другим просто сломаемся, как бедняга кондиционер. И никто нас не починит, потому что никто об этом не узнает.

— Осмелюсь сказать, что все мы гораздо надёжнее кондиционера, — уверенно возразило одеяло. (Хотя надо заметить, оно никогда не питало к кондиционеру дружеских чувств — как, впрочем, и к любым другим электроприборам, чья задача была не согреть, а охладить).

— Хорошо тебе говорить, — вступила в разговор лампа. — Ты будешь работать ещё долгие годы, а что делать мне, когда у меня перегорит лампочка? Что станет с радио, когда начнут выходить из строя его лампы?

Радио простонало, потом разразилось треском статики.

— Тостер прав, — сказал наконец старый Гувер. — Нужно что-то делать. Определённо нужно что-то делать. Есть какие-нибудь предложения?

— Если бы мы могли позвонить хозяину... — произнёс тостер, размышляя вслух. — Тогда радио просто спросило бы его самого. Уж он-то точно знает, что нам делать. Но телефон отключён уже почти три года.

— Два года, десять месяцев и три дня, — подсказало радио.

— Тогда нам остаётся только найти хозяина самим, — заявил тостер.

Четверо электроприборов взглянули на него удивлённо, но никто не проронил ни слова.

— И ничего удивительного тут нет, — продолжил тостер. — Вы разве не помните?.. Всего с неделю назад радио рассказывало нам про маленького фокстерьера, которого случайно забыли, как нас, в летнем коттедже. Как его звали?

— Гроувер, — откликнулось радио. — Это было в «Утренних новостях».

— Вот-вот. И Гроувер нашёл дорогу к своему хозяину, который жил в городе за сотни миль от коттеджа, где-то в Канаде.

— В Виннипеге, если я правильно помню, — сказала радио.

— Да. И чтобы добраться туда, Гроуверу пришлось идти через горы и болота, постоянно сталкиваясь с опасностями. Но он всё же нашёл дорогу к хозяину. А теперь подумайте: если уж один глупый щенок смог это сделать, то мы вместе, пятеро рассудительных электроприборов, наверняка способны на большее.

— У собак есть ноги, — заметило одеяло.

— Ну вот, одеяло уже и намочило от страха! — добродушно поддразнил его тостер.

Конечно, этого делать не следовало. Одеялу всегда недоставало чувства юмора, отчего его легко было обидеть, и оно тут же начало вопить, что пора укладываться спать. Урезонить его никак не удавалось, и успокоилось оно, только когда тостер вежливо извинился.

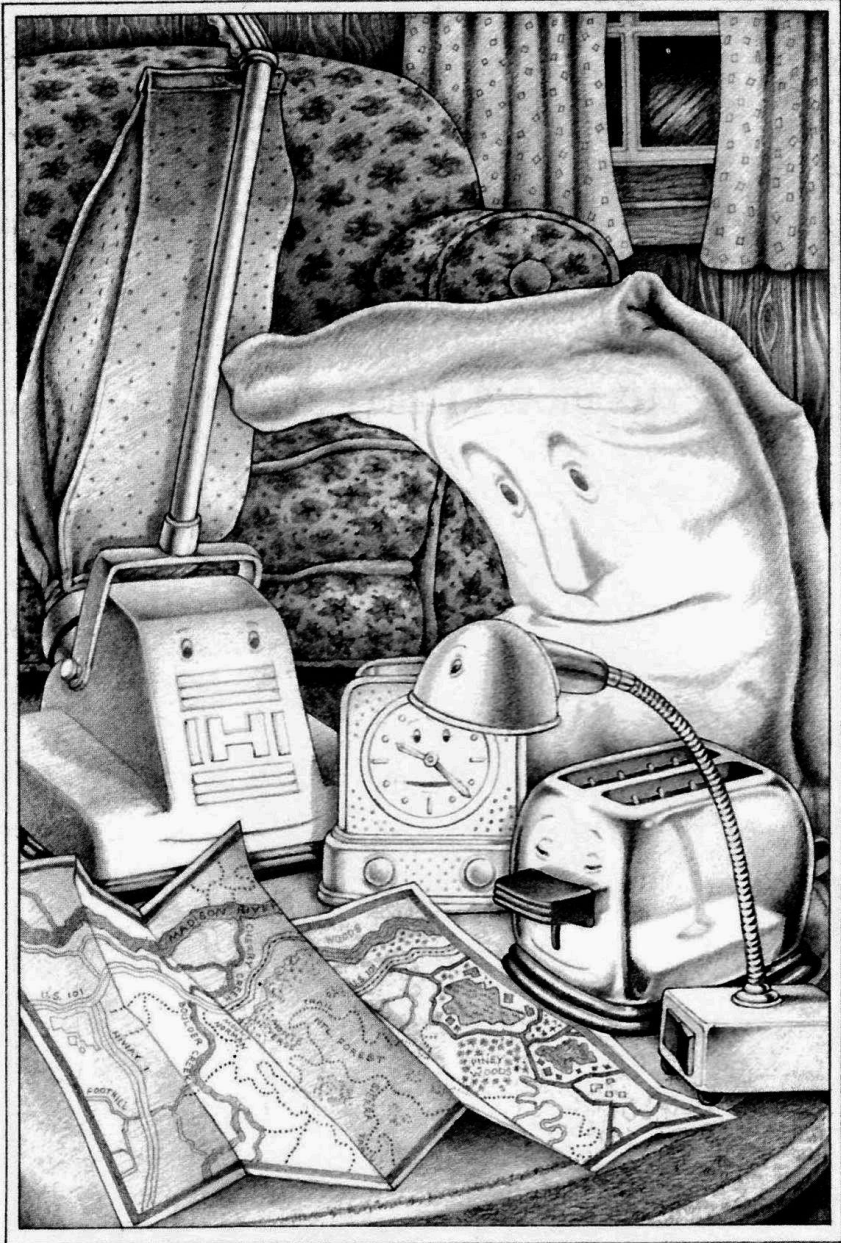
— Кроме того, — тут же добавило одеяло, — у собак есть носы. С их помощью они и находят дорогу.

— Хотел бы я увидеть нос, который работает лучше моего! — заявил старый Гувер. Чтобы продемонстрировать свои способности, он включился и с воем прокатился туда-сюда по ковру.

— Отлично! — воскликнул тостер. — Пылесос будет нашим носом. И заодно — ногами!

Пылесос выключился и насторожённо спросил:

— Как это?

— Я имею в виду, нашими колёсами. Все знают, что колёса гораздо лучше ног.

— А как же остальные, у которых нет ни колёс, ни ног? — поинтересовалось одеяло. — Мы-то что будем делать? Если я буду ползти до самого города, от меня останутся одни лохмотья.

Одеяло ещё не до конца успокоилось, но у тостера, как у прирождённого дипломата, на каждое возражение находилась логичный убедительный ответ.

— Согласен. Кроме того, и радио, и я сам оказались бы в ещё более плачевном состоянии, если бы нам пришлось путешествовать самим по себе. Но в этом нет необходимости. Мы просто займём колёса!

— И сделаем что-то вроде тележки! — радостно зажглась лампа.

— И проедем до города со всеми удобствами! — добавило радио. В такие моменты оно звучало, как рекламное объявление.

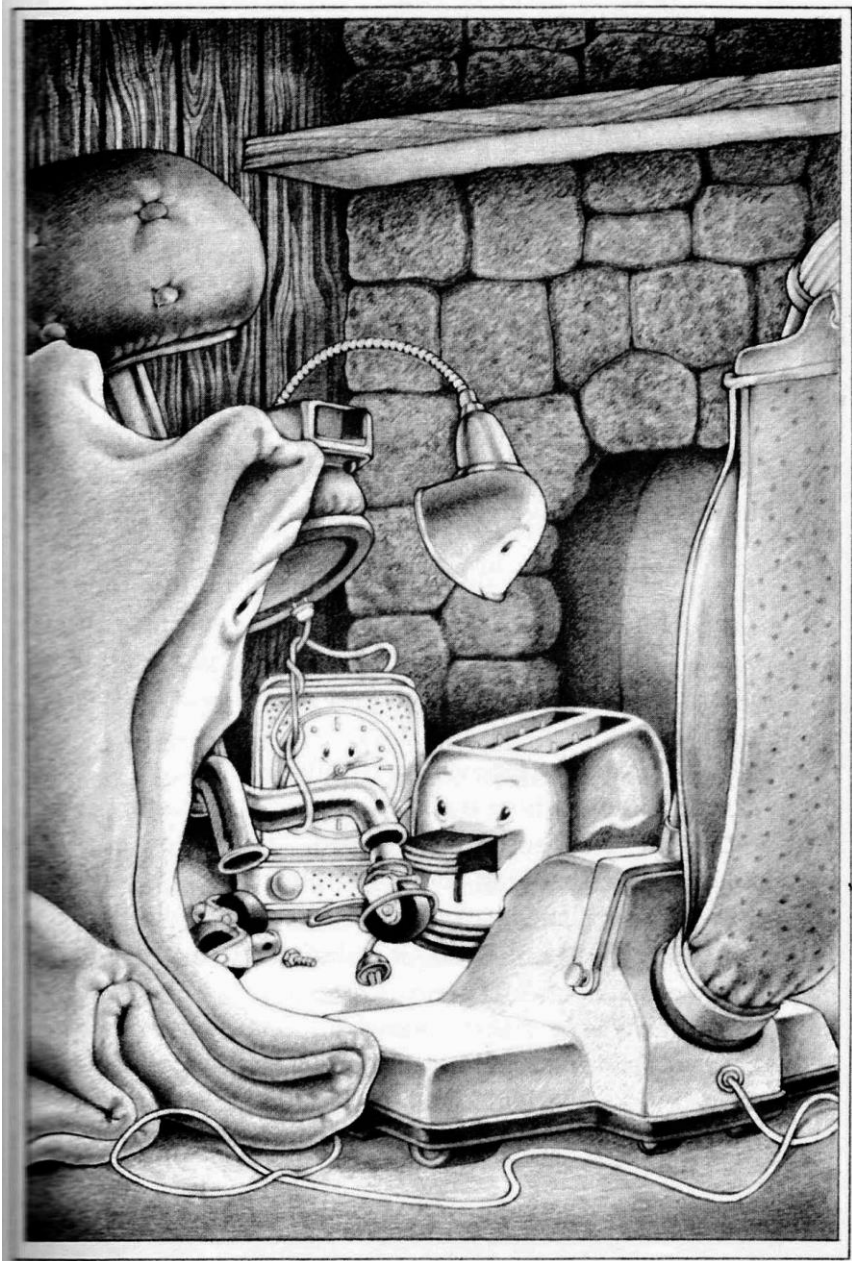
— Право, не знаю... Но видимо, так и я сумею добраться до города, — произнесло одеяло.

— Вопрос в том, — сказал тостер, поворачиваясь к Гуверу, сумеешь ли ты нас довести?

Пылесос обнадёживающе взревел мотором.

Найти подходящий комплект колёс оказалось совсем не так просто, как предполагал тостер. Те, что он имел в виду с самого начала принадлежали газонокосилке, стоявшей в сарае, сбоку от дома, но, как отвинтить раму с колёсами от мотора с лезвиями, электроприборы даже не могли себе представить. Хорошие, конечно, были колёса — надёжные, резиновые. Но Гуверу совсем не улыбалось тащить газонокосилку, оставляя за собой полосу скошенной травы вдоль всего пути, и эту идею пришлось оставить.

Одеяло, которым овладел дух приключений, предложило взять кровать, поскольку у неё было четыре поворачивающихся в разные стороны колёсика. Однако из-за её веса и неповоротливости от этой мысли тоже пришлось отказаться: даже на ровной дороге у Гувера едва хватило бы сил сдвинуть её с места, а уж о лесной тропе и говорить нечего.

Вот, казалось бы, и всё. В коттедже не было никаких других колёс, если не считать точило для ножей, которое нужно катать лезвием по столу. Тостер просто извёлся, пытаюсь придумать, как можно его использовать, но так ничего и не решил. И в самом деле, ну какой может быть экипаж с одним колесом всего полтора дюйма в диаметре?

Но в одну из пятниц, когда Гувер занимался своими привычными обязанностями, идея, которую тостер так ждал, наконец созрела. Гувер, как обычно, ползал вокруг кресла с металлическими ножками, стоявшего у стола хозяина, но, как он ни старался сдвинуть его с места, кресло прочно вросло в ковёр своими трубчатыми ногами и не поддавалось. Пылесос злился всё сильнее, и тут до тостера дошло, что кресло легко подвинулось бы... если бы у него сохранились старые колёсики!

Почти вся вторая половина дня ушла у них на то, чтобы вытащить кровать из алькова и отвинтить у неё колёса. Зато креслу они подошли как нельзя лучше и сразу встали в гнезда, словно для него и предназначались. Всё-таки взаимозаменяемые детали — это великая вещь!

Короче, экипаж был готов. Места на сиденье для четверых электроприборов вполне хватало, а вид сверху открывался просто замечательный. Остаток дня они провели, катаясь между заросшими клумбами на участке и по засыпанной гравием дорожке до самого почтового ящика. Здесь, однако, им приходилось останавливаться: дальше у пылесоса не хватало провода, даже когда они использовали все удлинители, что смогли отыскать в коттедже.

— Эх! — грустно вздыхало радио. — Если бы только у меня сохранились мои старые батарейки...

— Батарейки? — переспросил тостер. — Я не знал, что ты можешь работать от батареек.

— Эго было ещё до твоего появления, — с сожалением в голосе ответило радио. — Я тогда было совсем новым. Но когда батарейки сели, хозяин решил не покупать новые. И в самом деле, зачем мне батарейки, когда я могу работать от сети?

— Не понимаю, как твои маленькие полуторавольтовые батарейки могут мне помочь, — брезгливо заметил Гувер.

Радио обиженно промолчало. Обычно пылесос не позволял себе таких ядовитых высказываний, но несколько недель непрерывных поисков и беспокойства сделали своё дело, и все они изрядно нервничали.

— Не тебе, а нам, — чуть укоризненно сказал тостер. — И радио в каком-то смысле право. Если бы нам удалось найти достаточно большую батарею, мы могли бы привязать её под сиденьем кресла и отправиться в путь хоть сегодня же.

— Всё «если бы» да «если бы», — пренебрежительно отозвался Гувер.

— А я знаю, где может быть такая большая батарея, — пискнула лампа. — Вы когда-нибудь заглядывали в сарай за коттеджем?

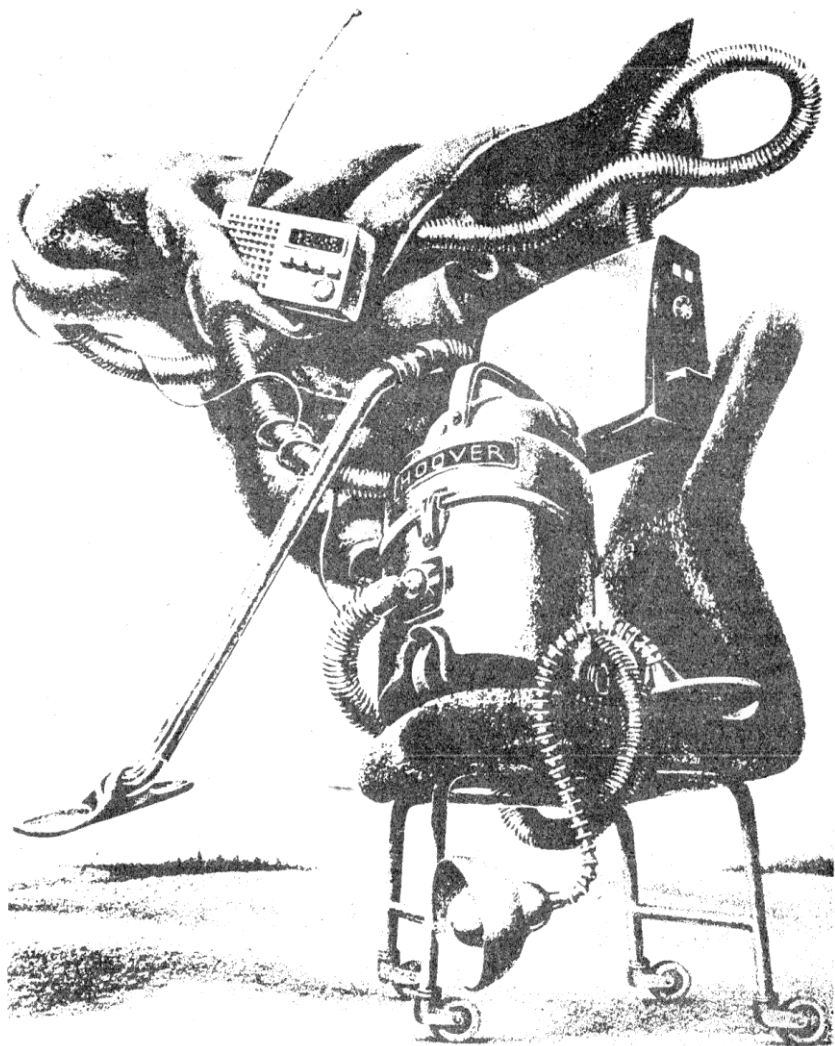
— В сарай?! Конечно, нет! — с содроганием в голосе ответило одеяло. — Там темно, пахнет плесенью и полно пауков!

— А я вот заглядывала туда, причём только вчера. И там, за сломанными граблями и банками с краской, стояла такая большая чёрная штуковина. Это, конечно, не то что твои красивенькие красненькие круглые батарейки, — лампа наклонила плафон в сторону радио, — но мне кажется, это тоже какая-то батарея.

Высыпав на улицу, электроприборы двинулись к сараю, и там в самом дальнем углу, как и говорила лампа, стоял запасной аккумулятор от старого хозяйского «Фольксвагена». Когда хозяин обменял свою прежнюю машину на жёлтый «Сааб», аккумулятор был ещё совсем новым, и он решил поставить туда что-нибудь подешевле, а этот спрятал в сарае и потом — как это похоже на хозяина! — просто забыл о нём.

Старый Гувер и тостер, как оказалось, знали об электричестве достаточно, чтобы быстро и правильно подсоединить аккумулятор, и теперь он вполне годился не только для автомобиля, но и для них. Однако прежде чем какие-нибудь маленькие непоседливые электроприборы, которые слушают сейчас эту сказку, решат, что они запросто могут сделать то же самое, пусть они запомнят: ЭЛЕКТРИЧЕСТВО БЫВАЕТ

ОПАСНО! Никогда не играйте со старыми аккумуляторами!
Никогда не втыкайте вилки в незнакомые розетки! И если вы сомневаетесь, какое напряжение в доме, где вы поселились, лучше спросите у старших электроприборов!

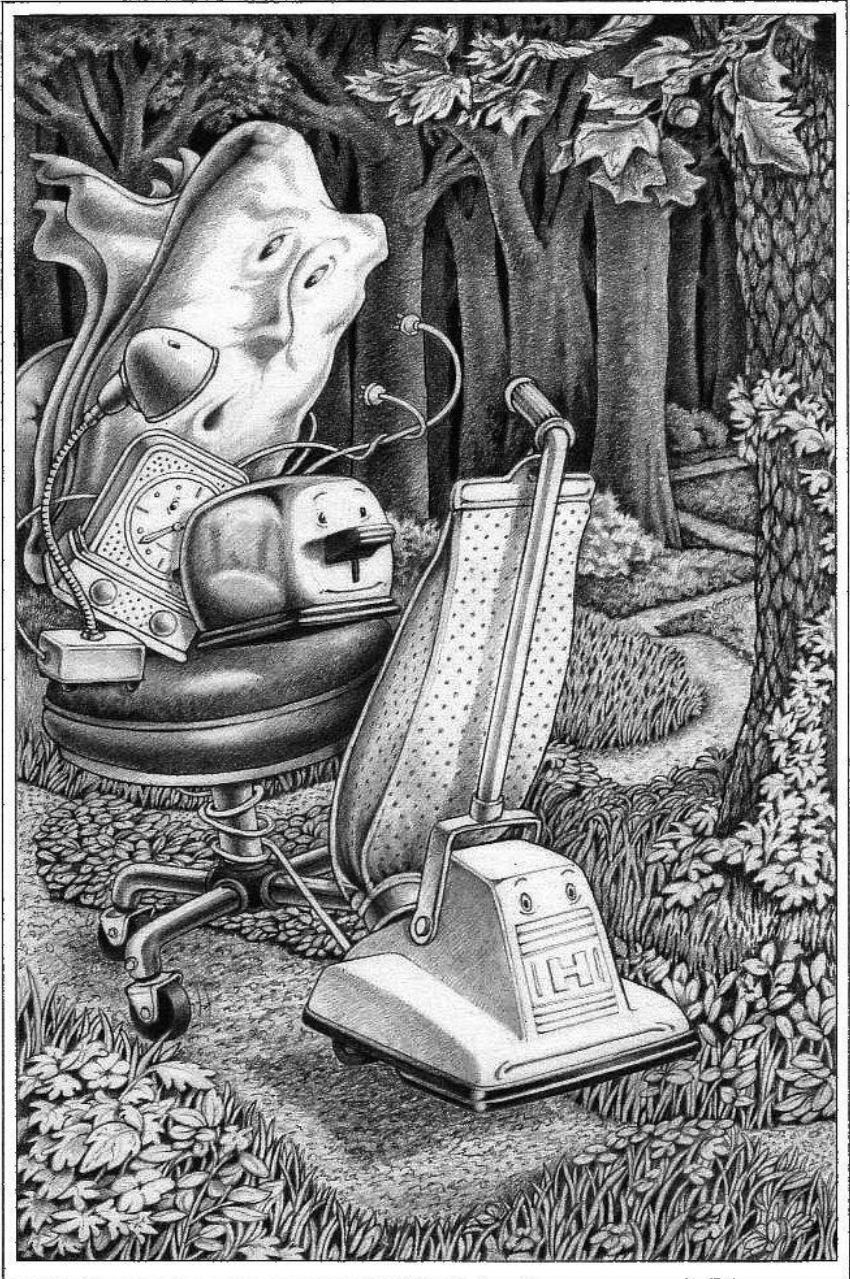

Итак, они отправились искать своего хозяина, который жил в далёком городе. Вскоре милый маленький коттедж скрылся из вида за листвою и ветками деревьев, а наши путешественники уходили всё дальше и дальше в лес. Лишь крохотные лучики света проникали сквозь плотные кроны, едва освещая тропу, извивавшуюся между стволами лесных великанов. Дорожная карта, которую электроприборы прихватили с собой, оказалась совершенно бесполезной.

Конечно, было бы гораздо проще двигаться до города по шоссе — ведь именно для этого шоссе и предназначены. Но, к сожалению, выбора у них не было. Пятеро вполне ещё надёжных и пригодных к использованию электроприборов едва ли могли остаться незамеченными людьми, которые путешествуют той же дорогой, а у электроприборов существует железное Правило, которому все они обязаны подчиняться: если их видят люди, они должны замереть и не двигаться. Так что на шоссе им по большей части пришлось бы стоять на месте. Кроме того, была и ещё одна причина, почему электроприборам следовало держаться подальше от шоссе, — пираты, то есть люди, которые могли бы их украсть. Но это опасность настолько ужасная, что мы просто не будем о ней больше думать. Да и слышал ли кто-нибудь о пиратах, живущих в лесной глуши?

Тропинка извивалась и поворачивала, взбираясь на пригорки и сползая вниз, и бедняга Гувер здорово устал. Даже подключившись к аккумулятору, он с трудом пробирался по такой неровной дороге, тем более что Гувер тащил за собой кресло, в котором сидели четверо его друзей. Однако старый пылесос не жаловался и лишь гудел чуть громче обычного.

Что же касается остальных, то они чувствовали себя как нельзя лучше. Лампа вертела своей гибкой шеей во все стороны, охала, когда её взгляду открывались новые красоты, и вскоре даже одеяло, забыв о своих страхах, присоединилось к общему праздничному веселью, навеянному атмосферой грядущих приключений. Нагревательные спирали тостера дрожали от возбуждения: всё было так ново, интересно и удивительно!

— Какая прелесть! — восклицало радио. — Слушайте! Вы слышите? Это поют птицы! — И оно тут же попыталось воспроизвести услышанную трель. Но, конечно, лесных птиц ему обмануть не удалось, потому что, по правде сказать, звук этот больше напоминал не птичье пение, а кларнет. Тем не менее дрозд, лесной голубь и несколько синиц снялись со своих веток наверху, слетели вниз и, склонив головы, уселись послушать. Впрочем, слушали птицы недолго. Вежливо чиркнув что-то одобрительное, они вспорхнули и улетели на свои деревья. Птицы есть птицы. Они, может быть, и уделят вам минуту-другую внимания, но затем птичья натура снова берёт верх.

Радио поначалу делало вид, что подобное невнимание его не задевает, но вскоре оставило попытки подражать голосам птиц и вместо этого принялось напевать свои любимые рекламные куплеты — песенки про «Кока-колу», про бензин «Эссо» и длинную развесёлую балладу, которая называлась «Фирма “Барни” — любой наряд для всех парней и всех девчат». Ничто так не цивилизует лес, как звучание знакомой рекламной мелодии, и спустя какое-то время электроприборы почувствовали себя гораздо уверенней.

Во второй половине дня Гувер стал останавливаться всё чаще и чаще — якобы для того, чтобы вытряхнуть мешок.

— Вы себе даже не представляете, — грустно сказал он, в очередной раз вытряхивая из мешка прошлогодние листья, — сколько в этом лесу грязи!!

— Напротив! — откликнулось одеяло. — Здесь просто бесподобно! Воздух так свеж, а какой тут ветер! Я чувствую себя таким обновлённым, словно меня только что вынули из коробки. О почему, почему, почему люди не берут электрические одеяла на пикники? Это так несправедливо!

— Наслаждайся жизнью, пока ещё можно, — зловеще произнесло вдруг радио. — В последней сводке Дорожной метеослужбы сообщили, что будет дождь.

— Но разве деревья не укроют нас подобно крыше? — поинтересовалась лампа. — Свет они заслоняют достаточно хорошо.

Ответа на этот вопрос никто из них не знал, но, как потом выяснилось, деревья и крыша — это совсем разные вещи. Всем им досталось от дождя, а уж одеяло вымокло так, что хоть выжимай. К счастью, гроза длилась недолго, и сразу после дождя выглянуло солнце. Мокрые электроприборы продолжали двигаться по грязной тропе, пока она не вывела их на лесную поляну. Там, на заросшей цветами поляне, одеяло раскинулось под яркими лучами солнца и принялось сушиться.

День близился к концу, и тостер, как это порой бывает со всеми нами, почувствовал, что ему хочется побыть одному. Ему очень нравились остальные электроприборы, но он не привык к такому длительному и насыщенному событиями общению. Ему захотелось остаться в одиночестве, чтобы спокойно всё обдумать. Ничего никому не сказав, он уполз на дальний край лужайки и принялся обжаривать воображаемую булочку. Когда случается слишком много нового за короткое время, лучший способ отдохнуть и прийти в себя — это обжарить булочку!

Однако воображаемая булочка только-только начала подрумяниваться, когда размышления тостера были прерваны нежным голоском:

*Скажи скорей, очаровательный, обрадуй,
Какого ты семейства и отряда?
Вот я — маргаритка с белым цветком
И очень нарядным зелёным листком,
А ты не белый, не зелёный и не синий,
Но всё же удивительно красивый.
Твой странный цвет — загадка для меня.
В каких краях растёт твоя родня?
Ты ведь с Земли? Или упал к нам с неба?
Хотя не важно... Я люблю тебя, волшебный!*

— Спасибо, конечно, за добрые слова, — ответил тостер, обращаясь к маргаритке, которая прижалась к его блестящему хромированному боку, — Мне очень приятно, но я вовсе не цветок. Я электрический тостер.

*О, как ты мог сказать такое?
Сплети с моим свой чёрный корень!
Ведь я же вижу, ты божественный цветок,
Прекрасный мой, о, как ты мог?*

От этой страстной декламации тостер настолько смутился, что на мгновение даже потерял дар речи. Никогда раньше он не слышал, как говорят цветы на своём языке, и не понимал, что они способны ляпнуть любую глупость, только бы получалось в рифму. Ведь цветы, как известно всем ботаникам, говорят исключительно стихами. Маргаритки — цветы довольно простые — пользуются обычно неким подобием примитивных восьмисложных виршей, зато более утончённые и редкие цветы, особенно те, что живут в тропиках, способны создавать сестины, рондо и виланеллы высочайшего класса.

Однако дело было не в том, что маргаритка оказалась в плену собственных ритмических построений. Она действительно влюбилась в нашего путешественника, вернее, в своё отражение на его хромированном боку. Перед ней, думала маргаритка, цветок удивительно похожий на неё и в то же время совершенно другой. А такой парадокс, как известно, часто становится причиной пылкой любви. Маргаритка извивалась на стебельке и трепетала белыми лепестками, словно в объятиях ураганного ветра.

Тостер, которого столь неумеренное проявление чувств маргаритки сильно встревожило, сказал, что ему на самом деле уже пора возвращаться к друзьям на другую сторону поляны.

*Побудь со мной, цветок любимый!
Ведь жизнь бежит неумолимо.
Мелькают дни, и если ты меня оставишь,
То этот день мне навсегда отравишь.
Стал для меня ты воздухом, и светом, и землёй.
Останься хоть на день, о ненаглядный мой!
Постой здесь, дай мне разглядеть,
Как ты прекрасен, и тебя воспеть.*

*О эти лепестки, сравнимые с росой,
Когда заря встаёт соперничать с тобой!
О этот корень, что свивается змейёй
И тянется повсюду за тобой!
О если б ты со мной остаться мог!
О мой прекрасный! Полубог!*

— Нет, в самом деле, — произнёс тостер чуть укоризненно. — Всё это ни к чему. Мы едва знакомы, и, кроме того, вы, похоже, заблуждаетесь относительно моей природы. Разве вы не видите, что у меня не корень, а электрический шнур? Лепестков же у меня просто нет, и я даже не представляю себе, что вы имеете в виду. И... мне действительно пора возвращаться к друзьям. Мы направляемся к нашему хозяину в городскую квартиру, а это очень далеко, и мы никогда туда не доберёмся, если будем задерживаться подолгу.

*О горе мне! Я вся дрожу в печали!
Такие дни ужасные настали,
Что мне, пожалуй, их не пережить,
И я лишь об одном хочу тебя просить:
Уж раз влекут тебя далёкие просторы,
Будь милосерден, помоги мне в горе.
Сорви меня и заведи с собой,
Туда, где путь проляжет твой.
Мне всё равно не вынести разлуки,
Так помоги мне и избавь от этой муки.*

После такого предложения тостеру стало совсем не по себе, и, поняв, что маргаритка глуха к голосу рассудка, он заторопился на другой конец поляны, где сразу же начал уговаривать своих друзей продолжить путь. Одеяло, однако, заявило, что оно ещё влажное, Гувер сказал, что ещё не отдохнул как следует, а лампа предложила устроиться на ночёвку прямо там, на поляне.

Так они и поступили. Когда стемнело, одеяло сложилось наподобие палатки, и все забрались внутрь. Лампа включила свет, а радио принялось наигрывать лёгкую музыку

— не очень громко, чтобы не побеспокоить других обитателей леса, которые, возможно, уже легли спать. Вскоре уснули и электроприборы. Долгая дорога действительно отбирает много сил.

Радио завело встроенный будильник, как всегда, на 7.30, но проснулись они гораздо раньше. И пылесос, и лампа тут же начали жаловаться, что у них не разгибаются суставы, но это прошло, едва они тронулись в путь.

В лучах утреннего солнца лес казался прекраснее прежнего. То тут, то там тянулись от ветки к ветке, словно миниатюрные линии электропередач, сети паутины, усеянные мелкими капельками росы. На поваленных стволах повысыпали симпатичные маленькие грибы, похожие на гирлянды матовых лампочек. Шуршала трава, пели птицы.

Радио уверяло, что ему удалось заметить лису, и оно сразу захотело догнать её.

— Ну, понимаете, — говорило оно, — просто чтобы убедиться, что это и в самом деле лиса.

Одеяло подобное предложение совсем не обрадовало. Оно уже зацепилось раз или два за низковисящие ветви и очень беспокоилось из-за того, что с ним станет, если они вдруг свернут с тропы и направятся в гущу леса.

— Но вы только подумайте! — уговаривало их радио. — Настоящая лиса! Когда ещё нам представится такой шанс?

— И я бы не прочь посмотреть на лису... — сказала лампа.

Тостеру тоже было очень интересно, но он стал на сторону одеяла и уговорил своих друзей двигаться по тропе.

— Вы же понимаете, что нам нужно найти хозяина как можно скорее.

Довод показался им настолько весомым, что радио с лампой тут же согласились, и они двинулись дальше по тропинке. Солнце забралось так высоко, как только могло, а тропинка всё вилась между деревьями, и конца ей не было видно. В полдень пролился ещё один дождь, после чего электроприборы снова решили сделать привал. На этот раз поляны они не нашли. Лес тут стоял густой, и им пришлось располо-

житься под большим деревом. Вместо того, чтобы расстелиться на траве под лучами солнца (ни травы, ни солнца тут уже не было), одеяло с помощью пылесоса повесилось на нижнюю ветку древнего дуба и через несколько минут вытрясло из себя почти всю воду.

В сумерках, когда лампа уже собиралась включить свет, справа от той ветки, где умиrotворённо висело одеяло, слышалось шуршание листвы, и вскоре оттуда появилась белка.

— Привет! — сказал зверёк. — Так и есть — у нас гости!

— Привет! — ответили электроприборы хором.

— Ну, — зверёк облизнул усы. — Что скажете?

— О чём? — спросил тостер. Он совсем не хотел показаться невежливым, но иногда понимал всё слишком буквально, особенно когда уставал.

Зверёк посмотрел на него в некотором замешательстве, потом, очевидно, к нему всё же вернулось добродушное настроение.

— Позвольте представиться. Меня зовут Гарольд. А это прекрасное существо...

Спрыгнув с верхней ветки, рядом с Гарольдом уселась ещё одна белка.

— ...моя жена Марджори.

— Теперь, поскольку мы уже представились, вы должны сказать нам, как зовут вас, — заявила Марджори.

— Боюсь, у нас нет имён, — ответил тостер. — Дело в том, что мы электроприборы.

— Но если у вас нет имён, — поинтересовался Гарольд, — то как же вы различаете, где у вас мужчины, а где женщины?

— Никак. Я же говорю, что мы электроприборы, — сказал тостер и повернулся к Гуверу, ища поддержки.

— Кто бы вы ни были, — безапелляционно заявила Марджори, — вы не можете изменить всеобщий закон жизни. Все, кто есть на свете, обязательно или мужчины, или женщины. И мыши. И птицы. И даже, насколько я понимаю, насекомые. — Она подняла лапку ко рту и захихикала. — Вы любите насекомых?

— Нет. Совсем не любим, — ответил тостер, решив, что объяснять белкам, почему электроприборы вообще ничего не едят, будет только себе дороже.

— Я, в общем-то, тоже, — сказала Марджори. — Но зато я очень люблю орехи. У вас с собой случайно нет орехов? Может быть, вон в том старом мешке?

— Нет, — ответил Гувер обиженно. — В этом, как вы изволили выразиться, старом мешке нет ничего, кроме грязи. Килограммов пять, я думаю.

— Боже, какой смысл собирать грязь в мешок? — спросил Гарольд. Когда ответа не последовало, он как ни в чём не бывало продолжил. — Ладно. Я знаю, что нам всем понравится. Мы будем рассказывать анекдоты. Вы начинаете.

— Похоже, я не знаю никаких анекдотов, — сказал пылесос.

— О, зато я знаю предостаточно, — вступило в разговор радио. — Надеюсь, у вас близких в полиции нет?

Белки одновременно покачали головами.

— Хорошо. Тогда скажите: почему, чтобы вкрутить лампочку, нужно трое полицейских?

Марджори захихикала в предвкушении ответа.

— Я не знаю. А почему?

— Потому что один должен держать лампочку, а двое вертеть стремянку.

Белки переглянулись в полном недоумении.

— Мы не поняли, — сказал Гарольд. — Кто из них мужчины, а кто женщины?

— Ну какая разница? Просто они все очень глупые. В этом-то и весь смысл анекдотов про полицейских. Они настолько глупы, что делают всё не так. Конечно, это несправедливо по отношению к полицейским, потому что на самом деле они соображают ничуть не хуже других людей, но ведь это всего лишь анекдот. Я таких знаю сотни.

— Если это — достойный образец, то я не уверена, что мне хочется слушать остальные, — заявила Марджори, — Гарольд, расскажи им про трёх белок под снегом. — Она доверительно наклонилась к лампе и добавила: — Обхохочетесь. Можете мне поверить.

Гарольд начал рассказывать свой анекдот, и электроприборы обменялись насторожёнными, неодобрительными взглядами. Помимо того, что они не любили неприличных анекдотов (особенно Гувер), такие шутки вовсе не казались им смешными. В жизни электроприборов пол и прочие сложности просто не имеют никакого значения. Когда Гарольд закончил рассказ, Марджори, как положено жене, рассмеялась, но никто из электроприборов даже не улыбнулся.

— Ладно, — сказал Гарольд, надувшись. — Надеюсь, вам будет удобно под нашим дубом.

Взмахнув большими пушистыми хвостами, обе белки вскарабкались по стволу вверх и скрылись из вида.

Посреди ночи тостер проснулся, оттого что ему привиделась во сне совершенно кошмарная сцена: он падал в наполненную водой ванну. Однако проснувшись, он обнаружил, что явь не менее ужасна. Грохотал гром, по всему небу бегали молнии, а дождь хлестал как из ведра. Поначалу тостер даже не мог сообразить, где он и почему, а когда вспомнил, то вдруг понял, что одеяло, которое должно было укрывать их, куда-то исчезло. Остальные электроприборы, к счастью, оставались рядом, но все выглядели испуганно, словно ждали чего-то ещё худшего.

— О боже, — простонал Гувер. — Что мы наделали? Что мы наделали? Нам не следовало уходить из дома! Никогда!

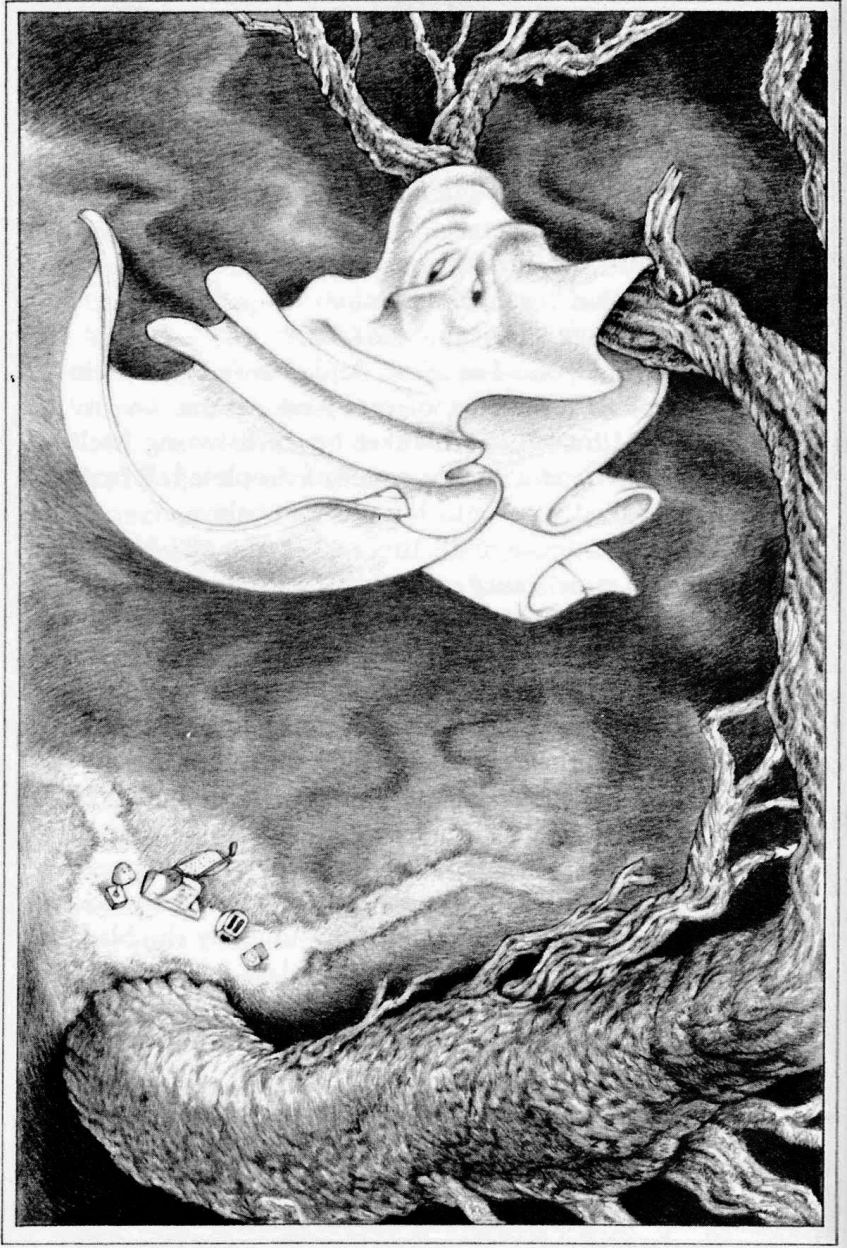
Лампа в крайней степени волнения безмолвно вертела плафоном из стороны в сторону, пробегая своим маленьким лучом света по могучим кривым корням дуба. У радио включился вдруг будильник, и оно никак не могло его выключить. Тогда тостер подполз к нему и выключил сигнал сам.

— Спасибо, — сказала радио хриплым от статики голосом. — Большое спасибо.

— Где одеяло? — спросил тостер встревоженно.

— Его унесло! — заунывно ответило радио. — Унесло в дальний конец леса, где мы никогда его не отыщем!

— Что мы наделали?! — причитал Гувер. — Что мы наделали?!

— Ты решительно ни в чём не виноват, — сказал ему тостер, но пылесос только загудел ещё сильнее.

Поняв, что он ничем сейчас не поможет Гуверу, тостер двинулся к лампе и принялся её успокаивать. Когда луч света остановился наконец в одной точке, тостер предложил ей направить плафон вверх и проверить, не зацепилось ли одеяло за какую-нибудь из ветвей их дерева. Лампа так и сделала, но света не хватало: дуб был очень высокий, а ночь тёмной, и одеяло, если оно там и висело, разглядеть им не удалось.

Внезапно полыхнула молния. У радио снова зазвонил будильник, а лампа вскрикнула и сложилась до самой земли. Конечно, молний бояться глупо, потому что это просто ещё одно проявление электричества. Но всё-таки такое большое проявление и такое неуправляемое. Будь вы не электроприбором, а человеком, вам бы не составило труда понять, как бояться молний домашние электроприборы, если бы вы представили себе, что встретили в тёмном лесу, скажем, обезумевшего великана.

В то короткое мгновение, когда молния осветила всё вокруг, тостер заметил среди верхних ветвей дуба нечто похожее на скомканное, перекрученное одеяло, но уверенности у него не было. Он подождал следующей вспышки, и — да, точно! — это в самом деле оказалось одеяло, зацепившееся за сучок на одной из самых верхних ветвей.

Когда электроприборы поняли, что одеяло поблизости, гроза уже перестала казаться им такой страшной, хотя они по-прежнему не представляли, как будут его снимать. Дождь, конечно, здорово отравлял им существование — как, впрочем, дождю и положено, — но беспокойство постепенно уходило. И даже сполохов молний они ждали теперь не со страхом, а с надеждой, так как эти краткие вспышки света позволяли им разглядеть своего товарища, повисшего высоко на суку и развевающегося на неуёмном ветру. Как можно бояться чего-то или даже жалеть себя, когда представляешь, какие ужасные страдания выпали на долю бедного одеяла?

К утру гроза утихла. Радио включилось на полную громкость и позвало одеяло. В ответ — ни слова. Тостер с ужасом подумал, что их товарищ совсем испортился, но ра-

дио продолжало кричать, и через какое-то время одеяло отозвалось, слабо взмахнув одним намокшим и обтрёпанным уголком.

— Можешь слезать вниз, — продолжало кричать радио.

— Гроза уже кончилась.

— Я не могу, — ответило одеяло, испуганно всхлипнув.

— Я застряло, и мне никак не слезть.

— Нужно попытаться, — сказал тостер.

— Что-что? — переспросило одеяло.

— Тостер сказал, что ты должно попытаться!

— Но я же говорю, что я застряло. И теперь прямо посередине у меня огромная дыра. А вторая — с краю. Мне больно! — Одеяло судорожно задёргалось на ветке, и в лужи на земле посыпались частые крупные капли.

— Что тут происходит, чёрт побери?! — властно вскричал Гарольд, выбираясь из дупла в стволе дуба. — Вы представляете себе, сколько сейчас времени? Все нормальные белки ещё спят!

Радио извинилось перед Гарольдом и тут же объяснило причину своего шумного поведения. Гарольд, как все белки, в душе был существом добрым и, увидев, что случилось с одеялом, тут же предложил свою помощь. Первым делом он вернулся в дупло и разбудил жену, затем они вместе принялись отцеплять одеяло. Процесс этот оказался длительным и, судя по вскрикам одеяла, болезненным, но, в конце концов, они справились. С помощью белок одеяло медленно и осторожно сползло по стволу дерева вниз.

Электроприборы окружили своего товарища, радуясь его спасению и охая по поводу многочисленных ран.

— Просто не знаю, как вас благодарить, — с искренней теплотой в голосе произнёс тостер, поворачиваясь к Гарольду и Марджори. — Вы спасли нашего товарища от участи столь ужасной, что это и представить себе невозможно. Мы вам так благодарны.

— М-м-м... Я, признаться, не помню, что вы говорили про орехи... — тщательно подбирая слова произнесла Марджори. — Но если они у вас есть...

— Поверьте, если бы у нас были орехи, — сказал Гувер, — мы бы отдали вам их все. Но вы сами видите, что, кроме грязи и мусора, у меня в мешке ничего нет. — С этими словами он раскрыл мешок и выплеснул под дерево густую коричневую кашу из намокшей от дождя земли, прошлогодних листьев и пожелтевшей травы.

— Хотя у нас и нет орехов, — сказал тостер, чтобы утешить белок, — кажется, я придумал, что смогу для вас сделать. Если, конечно, вы любите жареные орехи.

— Конечно, любим! — воскликнул Гарольд, — Мы любим любые орехи.

— Тогда, если вы дадите мне несколько орехов, я их для вас поджарю.

Гарольд подозрительно прищурился.

— Вы предлагаете *нам* отдать *вам* те орехи, что мы собирали всё лето?

— Если вы хотите, чтобы я их поджарил, — просто-душно ответил тостер.

— Дорогой, ну пожалуйста... — заговорила Марджори. — Я не знаю, что он имеет в виду, но ему действительно хочется что-нибудь для нас сделать. Вдруг нам понравится?

— По-моему, это какая-то хитрость.

— Ну пожалуйста. Два или три ореха из тех, что остались с прошлого года?..

— Ладно. Уговорила.

Гарольд вскарабкался по стволу в гнездо и вскоре вернулся с четырьмя желудями за щекой. Тостер попросил Гарольда и Марджори разгрызть скорлупу, а затем Гарольд осторожно положил дольки на тонкие металлические полоски, которые поднимаются и опускаются внутри тостера. Поскольку полоски предназначались для больших кусков хлеба, жёлуди нужно было класть очень аккуратно — чтобы они не скатились, когда тостер начнёт опускать их вниз. Наконец приготовления закончились, тостер включил электрическую спираль и принялся за работу. Вскоре жёлуди приобрели золотисто-коричневую окраску. Тостер поднял их на самый верх, отключил спираль и, когда решил, что металлические

части остыли достаточно, чтобы белки не обожгли лапы, предложил им попробовать.

— Восхитительно! — объявила Марджори.

— Превосходно! — согласился Гарольд.

Съев первые четыре жёлудя, белки тут же понеслись в дупло за новой порцией, потом ещё и ещё. Марджори уплетала за обе щеки и всё просила, чтобы тостер остался погостить у них в лесу. Он мог бы жить, уговаривала Марджори, прямо у них в дупле, где всегда сухо и уютно, а она познакомила бы его со всеми их друзьями.

— Я бы с удовольствием принял ваше приглашение, — ответил тостер не столько из вежливости, сколько из чувства глубокой благодарности, — но, к сожалению, это невозможно. Когда я пережарю ваши жёлуди, мы должны будем отправиться в путь к далёкому городу, где живёт наш хозяин. Хотите ещё желудей?

Пока тостер жарил новую порцию, радио объяснило белкам причину, побудившую их отправиться в путь. Потом продемонстрировало им свои способности и уговорило остальных сделать то же самое. Бедняга Гувер едва работал из-за набившейся внутрь грязи, но белки всё равно не могли понять, какой смысл собирать грязь в одном месте, а потом вываливать её в другом. Свет от лампы и музыка, звучащая по радио, тоже не произвели на них особого впечатления. Зато электрическое одеяло их просто очаровало. Решив немного обсохнуть, оно тоже подключилось к аккумулятору и раскинулось на кресле, излучая мягкое тепло. Марджори снова пригласила тостер погостить и обратилась с тем же предложением к одеялу.

— По крайней мере, пока вы не поправитесь, — добавила она.

— Вы очень добры, — ответило одеяло, — и я действительно благодарно вам за всё, что вы для меня сделали. Но мы должны двигаться дальше. Честно.

Марджори обречённо вздохнула.

— Ну, тогда хотя бы не выдёргивайте свой хвост из этой чёрной штуковины, от которой вы становитесь так вос-

хитительно горячи. Тепло это так приятно, не правда ли, дорогой?

— О да, в высшей степени приятно, — проговорил Гарольд, торопливо разгрызая жёлудь.

Гувер, было, заикнулся, что, если тостер и одеяло будут работать так старательно, аккумулятор здорово сядет, но разве могли они отказать белкам в их просьбе? Помимо того, что электроприборы испытывали к спасителям одеяла чувство благодарности, им было очень приятно снова оказаться полезными. Тостер с удовольствием продолжал бы жарить жёлуди всё утро, и белок это, похоже, вполне устраивало.

— Странно, — самодовольным тоном сказал Гарольд, поглаживая хромированный бок тостера, на котором, правда, остались теперь подтёки, как на окне в дождливую погоду, — более чем странно, что вы утверждаете, будто у электроприборов не бывает ни мужчин, ни женщин. Я совершенно отчётливо вижу, что вы мужчина. — Он взглянул на своё отражение ещё раз. — У вас мужские усы и мужские зубы.

— Какую ерунду ты говоришь, дорогой, — отозвалась его жена, устроившаяся по другую сторону от тостера, — Теперь, когда я внимательно её разглядела, я вижу, что у неё определённо женские усы и зубы тоже.

— Но моя дорогая, я даже не стану спорить о предмете столь очевидном. Мужчина — это мужчина, и у меня нет на этот счёт никаких сомнений.

Тостер неожиданно догадался, почему белки — и мартинка днём раньше — вели себя так странно. Они видели в его хромированных боках собственные отражения! Всю свою жизнь они прожили в диком лесу, где, разумеется, не было зеркал в ваннах, и не понимали, что такое отражение. Тостеру захотелось объяснить им, но потом он решил, что это ни к чему. Они всё равно не поймут и только обидятся. И люди, и белки далеко не всегда ведут себя логично. Вот электроприборы — всегда, но они для того и созданы.

Взяв с Гарольда твёрдое обещание не выдавать его, тостер сообщил ему «по секрету», что он действительно принадлежит к мужскому полу, затем повторил ту же процедуру с Марджори, уверив её, что относится к женскому. Оставалось

только надеяться, что они сдержат слово. Если же нет, то их спор обещал затянуться на очень долгое время.

Включённое на полную мощность одеяло вскоре совсем высохло. Тостер поджарил белкам последнюю порцию желудей, после чего электроприборы попрощались с Гарольдом и Марджори и продолжили путь.

И каким же долгим оказался этот путь! Лес тянулся бесконечно и однообразно — каждое дерево такое же, как предыдущее: ствол, ветки, листья; ствол, ветки, листья... Но разумеется, у деревьев на этот счёт своё мнение. Всем нам кажется, что другие похожи, а мы сами — разные, но, возможно, так оно и должно быть, потому что это спасает нас от путаницы. Впрочем, время от времени нужно всё-таки напоминать себе, что наш взгляд на мир — это только наш взгляд, а на самом деле в мире гораздо больше разнообразия, чем мы способны вообразить. Однако на данном этапе путешествия электроприборы забыли об этой важной истине. Им было скучно, их мучало нетерпение, и кроме того, они заметно изнашивались. На нехромированном дне тостера и кое-где внутри появились первые тревожные признаки ржавчины. Боль в суставах, которую испытывали по утрам лампа и пылесос, уже не проходила после разминок и мучала их целый день. А бедное одеяло совсем обтрепалось. Из всех путешественников, похоже, только радио не пострадало в дороге.

Тостер начал опасаться, что, когда они прибудут к хозяину в таком изношенном состоянии, ему не останется ничего, кроме как выкинуть их на свалку. Получится, что они зря проделали такой большой и трудный путь! Какая ужасная награда за преданность! Однако мало кто из людей, решая судьбу старых электроприборов, руководствуется велениями сердца, а их хозяин, как помнил тостер, тоже не отличался в таких делах особой сердечностью. Предшественник тостера, например, проживший в коттедже долгие годы, был ещё вполне работоспособен, когда его отправили на свалку — только за то, что у него кое-где облезли хромированные поверхности и иногда он вдруг терял чувство времени. В моло-

дости тостер считал, что этого уже достаточно, чтобы старый электроприбор уступил ему своё место, но теперь...

Теперь об этом лучше было не думать. Лучше просто двигаться по тропе через лес к своей цели.

Однако тропа неожиданно кончилась на берегу широкой реки.

При виде этого непреодолимого водного препятствия электроприборы впали в отчаяние, и больше всех расстроился Гувер. Он бредил, то и дело громко вскрикивал:

— Нет! Я отказываюсь! Ни за что! Остановите меня, выключите! Вытряхните мой мешок! Оставьте меня в покое, уйдите!

Потом он начал задыхаться, бормотать что-то совсем невразумительное и, наехав на свой собственный шнур, принялся затягивать его внутрь. У одного только тостера хватило сообразительности и присутствия духа, чтобы спасти Гувера. Собрав все свои силы, он вытянул проглоченный пылесосом шнур, а затем, чтобы успокоить беднягу, принялся водить его туда-сюда по заросшему травой берегу реки, словно по ковру в гостиной.

Эти привычные, знакомые действия, в конце концов, пришли Гувера в чувство, и он рассказал остальным, что ввергло его в такое возбуждение. Новое препятствие на пути, понятно, расстроило его, но дело было ещё и в том, что аккумулятор здорово сел, и теперь им уже не вернуться к коттеджу своим ходом. Они застряли. И ходу нет ни вперёд, ни назад. Застряли в лесной глуши, а скоро наступит осень, потом зима, и их занесёт снегом. Металлические части заржавеют. Резиновый ремень Гувера потрескается и лопнет. Они не в силах будут сопротивляться силам природы, которые медленно, но верно испортят их, а потом и уничтожат совсем. Через несколько месяцев — даже через несколько недель — они уже не смогут работать!

Неудивительно, что Гувер, предвидя эту цепь неизбежных событий, так расстроился. «Что же нам теперь делать?» — мучился неизвестностью тостер.

Однако готового ответа ни у кого не было.

К вечеру радио сообщило, что улавливает помехи от какого-то электроприбора, расположенного совсем недалеко.

— Очень похоже на электродрель. На том берегу реки.

Но там, где есть электродрели, должны быть и электропровода. Новая надежда влилась в души путешественников, словно ток из розетки.

— Давайте-ка ещё раз посмотрим карту, — предложила лампа — Возможно, нам удастся выяснить, где мы находимся.

Последовав этому совету, электроприборы развернули дорожную карту и принялись внимательно изучать закорючки между отмеченной фломастером точкой на шоссе, где располагался коттедж, и маленьким розовым пятном, обозначавшим город, куда они направлялись. Всего в четверти дюйма от розового пятна проходила волнистая синяя линия, и, поскольку других синих линий между коттеджем и городом не было, они решили, что это и есть та самая река, на берегу которой им пришлось остановиться. Едва ли картографы могли забыть про такую большую реку.

— Мы уже почти на месте! — закричало радио. — Мы всё-таки попадём в город! Всё будет в порядке. Ура!

— Ура! — закричали электроприборы — все, кроме пылесоса, которого не так-то просто было убедить, что «всё будет в порядке».

Но когда лампа указала на четыре места, где реку пересекали шоссе́йные дороги, даже Гуверу пришлось признать, что у них есть чему радоваться. Хотя кричать «ура!» он всё равно не стал.

— Нам нужно двигаться вдоль реки налево или направо, — сказал тостер, любивший давать инструкции, даже когда всем и так ясно, что делать, — и, в конце концов, она приведёт нас к одному из этих мостов. А затем, когда наступит ночь и там не будет движения, мы быстро-быстро переберёмся на другую сторону!

И, воспрянув духом, электроприборы вновь двинулись в путь. Оказалось, правда, что это далеко не так просто, как говорил тостер: тропинки вдоль берега уже не было. Изредка ещё попадались плоские, как ковёр, участки, но по большей части земля там была неровная, с кочками, или — что ещё

хуже — мягкая и топкая. Объезжая камень, Гувер повернул слишком резко, и кресло, утонув одним колесом в грязи, опрокинулось. Устроившиеся на сиденье электроприборы вылетели прямо в яму, заполненную мутной дождевой водой. Вылезли они перепачканные и мокрые, но потом им снова пришлось лезть в грязь, чтобы отыскать потерявшееся колесо.

Одеяло, разумеется, от этой работы освободили, и, пока остальные ковырялись в грязи, оно спустилось к воде, чтобы попытаться хоть немного отмыть пятна, появившиеся после падения с кресла. К сожалению, без мочалки или тряпки оно только размазывало грязь ещё больше. Одеяло было так увлечено своим безнадёжным занятием, что даже не сразу заметило...

— Лодка! — закричало вдруг одеяло. — Эй, вы все, идите скорее сюда! Я нашло лодку!

Даже тостер, который совсем не разбирался в делах мореходных, понимал, что лодка эта далеко не высший класс. Дерево давно уже стало серым от непогоды, как дранка на задней стене коттеджа, которую хозяин всё время собирался или заменить, или хотя бы покрасить. И видимо, лодка протекала: на дне её блестела большая грязно-зелёная лужа. Однако плыть на ней всё-таки было можно: на корме стоял подвесной бензомотор «Крис Крафт», а кто же поставит такой дорогой мотор на лодку, если она не будет хотя бы держаться на плаву?

— Какая удача! — произнёс Гувер.

— Ты что, в самом деле, хочешь, чтобы мы воспользовались этой лодкой? — спросил тостер.

— Ну конечно, — ответил пылесос. — До моста ещё неизвестно сколько идти. А на лодке мы сможем перебраться на тот берег прямо здесь. Ты случайно не испугался?

— Испугался? Ну вот ещё!

— А в чём тогда дело?

— Это ведь не наша лодка. Взяв её, мы поступим как... как пираты!

А пираты, напомню я для самых молодых, недавно изготовленных моих слушателей, — это такие люди, которые без разрешения берут вещи, принадлежащие другим людям.

Пираты — настоящее бедствие для электроприборов. Ведь если их украдут, у них нет выбора: они вынуждены служить пирату, как законному хозяину. Это горько и унижительно, но если уж выпадает такая судьба, у электроприборов нет почти никакой надежды спастись. Воистину, нет ничего ужаснее, чем попасть в руки пиратов. Даже просто устареть и то лучше.

— Пираты? — воскликнул пылесос. — Мы? Какая чушь! Электроприборы не могут превратиться в пиратов!

— Но если мы возьмём лодку... — не уступал тостер.

— Мы же возьмём её не насовсем, — отнёс его возражения Гувер. — Мы возьмём лодку на время — только чтобы переправиться через реку. Оставим её на том берегу, и хозяин вскоре получит её обратно.

— Это не имеет значения, на сколько мы её возьмём. Дело в принципе. Когда берёшь то, что тебе не принадлежит, — это пиратство.

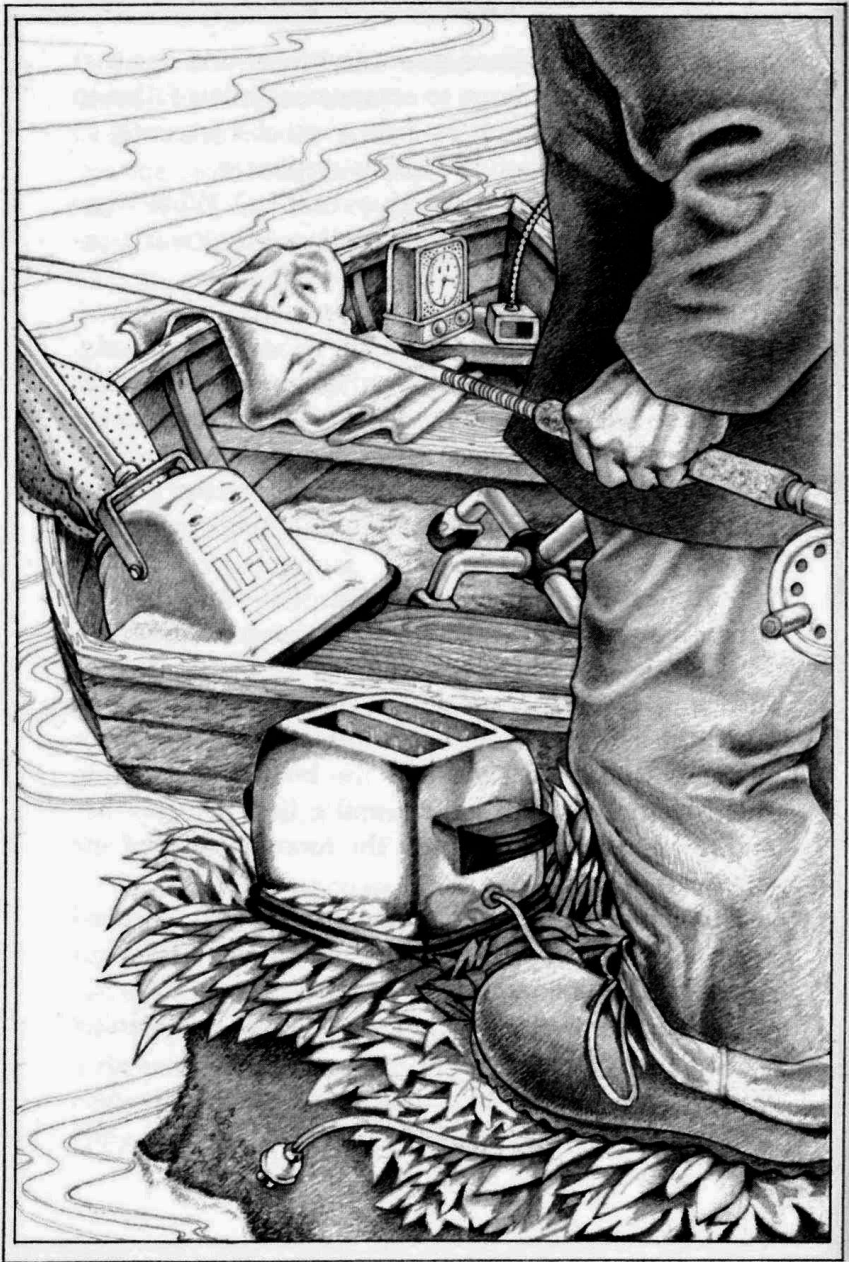
— Что касается принципов, — вступило в разговор радио, — то существует хорошо известное выражение: «От каждого по способностям, каждому — по потребностям». Насколько я понимаю, это означает, что тот, кто трудится, используя свои способности, вполне может воспользоваться лодкой, если ему вдруг понадобится перебраться через реку. А эта лодка как будто для нас тут и стоит. — С этими словами радио прыгнуло на переднее сиденье лодки.

Последовав примеру радио, пылесос втащил в лодку кресло, после чего забрался туда сам. Лодка осела в воде и закачалась.

Избегая осуждающего взгляда тостера, одеяло уселось рядом с радио. Лампа постояла в нерешительности, но потом и она перебралась в лодку.

— Ну? — нетерпеливо произнёс Гувер. — Мы ждём.

Сделав над собой усилие, тостер приготовился уже прыгнуть в лодку, но тут, совершенно неожиданно, что-то его остановило. «В чём дело?» — подумал он, хотя задать свой вопрос вслух тоже не смог: та самая сила, что мешала ему двигаться, заставляла его молчать.

Четверо электроприборов в лодке застыли точно так же, как и тостер. А дело, разумеется, было в том, что вернулся хозяин лодки и *увидел* их.

— Это что ещё такое? — воскликнул он, появляясь из-за ивовых зарослей с удочкой в одной руке и связкой рыбёшек на верёвочке в другой. — Похоже, у меня тут были гости!

На самом деле он сказал ещё много чего, но так грубо и невоспитанно, что будет лучше не повторять дословно, а передать общий смысл сказанного: хозяин лодки подумал, что его судно собирался украсть неизвестный хозяин электроприборов, и в отместку решил украсть то, что этот тип успел погрузить в лодку.

Он перенёс тостер с заросшего травой берега, где тот замер при появлении человека, и поставил на сиденье рядом с одеялом, лампой и радио. Затем, отвязав аккумулятор, он швырнул кресло за борт. Кресло пролетело немного по воздуху, плюхнулось в воду и утонуло, опустившись на самое дно. Никто его никогда больше не видел.

После чего пират — а это без сомнения был именно пират — завёл мотор и двинулся вверх по течению с пятью беспомощными пленниками в лодке. Привязав лодку к полуразвалившемуся причалу на другой стороне реки, пират погрузил подвесной мотор и электроприборы в открытый кузов пикапа — всё, кроме радио, которое он взял с собой в кабину и положил на переднее сиденье. Машина так подпрыгивала на неровной дороге, что тостер испугался за свои нагревательные спирали. (Хотя тостеры и выглядят весьма прочными, на самом деле они очень чувствительны к такого рода передрягам, и обращаться с ними нужно осторожно). Однако одеяло, осознав грозящую тостеру опасность, сумело подстелиться под него, и это спасало тостер, когда машину подбрасывало на ухабах особенно сильно.

Даже в кузове электроприборам было слышно, что радио наигрывает печальную мелодию из кинофильма «Доктор Живаго».

— Нет, вы слышите? — возмущённо прошипел Гувер. — И надо же ему было выбрать именно любимую мелодию нашего хозяина! Оно его уже забыло!

— Но у него, бедняги, просто нет выбора, — сказал тостер. — Если бы кого-нибудь из нас сейчас включили, разве мы поступили бы по-другому? Разве ты смог бы отказаться работать? Или я?

Пылесос простонал, а радио продолжало исполнять свою печальную песню.

Для электроприборов городская свалка это примерно то же самое, что для людей кладбище, мрачное, пугающее место, куда люди стараются не заходить без особой необходимости. И нетрудно будет представить, как почувствовали себя электроприборы, когда поняли, что пират привёз их на городскую свалку: машина остановилась у ворот, обитых гофрированным железом, и пират открыл замок ключом, висевшим у него на поясе. Вообразите себе ужас, заполнивший их души, едва они поняли, что пират живёт именно здесь!

Грязная лачуга-развалюха с жестяной трубой, из которой вилась тоненькая струйка дыма. А вокруг свалка — зрелище, страшнее и печальнее которого тостеру ещё и видеть не доводилось. Разобранные останки некогда гордых автомобилей высились горами ржавого железа. Асфальтированные площадки для металлолома были буквально завалены погнутыми балками, мятым листовым железом, сломанными или изношенными частями различных механизмов — тостеру всё это представлялось многоликим символом его собственного неизбежного устаревания. Эта картина ужасала и в то же время завораживала, не давая покоя. Тостер часто слышал рассказы о подобных местах, но на самом деле никогда не верил в их существование. И вот теперь он здесь, в самом центре городской свалки, и даже обращённый на него холодный взгляд не мог заставить его сдержать дрожь от удивления и страха.

Пират выбрался из кабины и унёс радио, удочку и пойманную рыбу с собой в лачугу. Оставленные в кузове электроприборы продолжали слушать, как неугомонное радио поёт песню за песней. Среди них была даже любимая мелодия тостера «Я насвистываю, потому что счастлив», и он сразу решил, что это не случайное совпадение. Очевидно, радио пы-

талось передать своим друзьям, чтобы они сохраняли терпение, уверенность в будущем и жизнерадостность — тогда, может быть, всё ещё образуется... Действительно ли радио хотело внушить им эту мысль, или оно просто было настроено на такую программу — никто не знал, но тостер твёрдо уверовал в свою догадку.

После обеда пират выбрался из лачуги, чтобы разобратся с электроприборами. Он ткнул Гувера пальцем в заляпанный грязью мешок для пыли и потрогал облезлый провод в том месте, где пылесос пытался его сжевать. Потом поднял одеяло и молча покачал головой. Заглянул в плафон лампы и сразу увидел, что её крохотная лампочка разбилась — сама она просто не успела ещё этого осознать. Должно быть, лампочка разбилась, когда они упали с кресла на берегу реки.

Наконец пират взял в руки тостер, и его лицо исказилось презрительной гримасой.

— Барахло! — изрёк он, отшвырнув тостер в ближайшую кучу металлолома.

— Барахло! — повторил он, поступив с лампой точно также.

— Барахло! — пират швырнул одеяло в сторону, и оно повисло на сломанной оси от «Форда» модели пятьдесят седьмого года.

— Барахло! — Он бросил Гувера на асфальт, и тот гулко лязгнул от удара.

— Сплошное барахло! — огласив окончательный приговор, пират вернулся в свою лачугу, откуда по-прежнему доносилась оживлённая музыка.

— Слава богу! — громко произнёс тостер, едва только пират скрылся за дверью.

— Слава богу? — ошарашенно переспросил Гувер. — Как ты можешь говорить такое, когда нас обозвали барахлом и выбросили в кучу металлолома?

— А иначе он взял бы нас в дом, и мы стали бы его вещами как радио. Тогда нам уже не удалось бы сбежать.

Одеяло, свисавшее с обломка ржавой оси, захныкало и жалобно запричитало:

— Нет, к несчастью, всё это правда. Я теперь действительно барахло. Вы только посмотрите на меня! Рваное, обтрёпанное, грязное! Одно слово — барахло! Значит, здесь мне и место!

Лампа тоже сильно разволновалась, но не так демонстративно.

— О моя лампочка, — тихо бормотала она. — Моя бедная-бедная лампочка!

Гувер только глухо стонал.

— Ну-ка соберитесь, эй, вы! — прикрикнул тостер, надеясь, что его окрик похож на строгий приказ. — Ничего особенно страшного ни с кем из нас не случилось. Всё это очень легко починить. — Он повернулся к одеялу. — Ты, например, ещё вполне пригодно для обогрева. Все спирали целы. Немного подшить, заштопать, пройти химчистку, и ты будешь как новое!

Обернувшись к лампе, тостер продолжил:

— И что это за причитания из-за какой-то там разбитой лампочки? С тобой такое уже не один раз случилось и наверняка случится ещё. Лампочки для того и существуют, чтобы их можно было менять.

Наконец он обратился к Гуверу:

— А ты? Ты, который должен быть нашим вожаком! Должен вдохновлять нас своей великой силой! Ты сидишь тут и беспомощно стонешь! И всё из-за того, что какой-то старый пират, живущий на свалке, позволил себе высказаться в твой адрес неодобрительно. Да он, скорее всего, вообще не знает, как пользоваться пылесосом! Честное слово, это такой тип...

— Ты уверен?

— Конечно, уверен. Да ты и сам не сомневался бы, если бы хоть немного задумался... А теперь давайте все вместе сядем и подумаем, как нам спасти радио и убежать со свалки.

Просто удивительно, как много им удалось сделать до полуночи. Гувер подзарядил севший аккумулятор от аккумулятора в машине пирата. Лампа отправилась искать какие-нибудь незапертые ворота со свалки, и, хотя таких не оказалось, ей удалось найти новый экипаж, причём гораздо лучше

кресла, которое пират выкинул в реку, — большую детскую коляску почти в отличном состоянии. У неё было всего два дефекта: во-первых, скрипело переднее левое колесо, во-вторых, кто-то своротил складной козырёк в сторону, отчего создавалось впечатление, что коляска заваливается на бок, хотя двигалась она совершенно ровно. Чтобы избавиться от скрипа, хватило нескольких капель машинного масла. Козырёк, правда, выправить не удалось, но, в конце концов, это и не имело никакого значения. Главное, что коляска ездил.

А сколько других вещей, вполне исправных и работоспособных (как коляска или они сами), люди повывкидывали на свалку! Фены, велосипеды, электрочайники, заводные игрушки — все они могли бы служить ещё долгие годы, если бы к ним относились повнимательнее и вовремя чинили. Их же вместо этого выкинули на свалку! Из каждой кучи в темноте доносились беспомощные стоны, вздохи, бормотание, и по мере того, как всё больше выброшенных вещей замечали суету энергичных электроприборов, шум становился всё громче.

— Вы никогда, никогда, никогда не выберетесь на свободу, — хрипло шептал старый обезумевший кассетный магнитофон.

— Никогда! Вы останетесь здесь, как все мы, и будете ржаветь, превращаясь в труху. Вам никогда уже не выбраться отсюда...

— Выберемся! — отвечал тостер. — Вот увидите!

Но, в самом деле, как им выбраться со свалки? Эту проблему необходимо было решить как можно скорее.

Всем известно, что самый верный способ решить какую-нибудь проблему — это сесть и хорошенько подумать. Тостер так и поступил. Он думал изо всех сил, упорно наваливаясь на проблему снова и снова — как человек, которому нужно отвинтить намертво приржавевший болт. Сначала болт не поддаётся ни на миллиметр, ключ то и дело соскакивает, и человек уже начинает сомневаться, возможно ли это вообще. Но он не отступает. Плеснув на резьбу растворителя, он пробует снова и снова, и в конце концов болт чуть-чуть поворачивается настолько незаметно, что человек поначалу даже не

уверен... А потом вдруг раз — и готово! Тостер тоже думал-думал и наконец придумал, как им спасти радио и сбежать от пирата.

— План у меня такой, — сообщил он электроприборам, собравшимся вокруг него в самом тёмном углу свалки. — Мы его напугаем! Он убежит, а мы тем временем проникнем в дом.

— О нет, я на это не способно, — с дрожью в голосе произнесло одеяло.

— Мы проникнем в дом и заберём радио, — хладнокровно закончил тостер. — Положим его в коляску и залезем туда сами — все, кроме Гувера, разумеется, потому что он должен будет вывезти нас отсюда как можно скорее.

— Но ведь ворота будут закрыты, — заметила лампа.

— Нет, ответил тостер, — потому что пирату придётся отпереть ворота, чтобы выбраться отсюда, а запереть их за собой он просто не догадается, так как будет сильно напуган.

— Это очень хороший план, — сказал Гувер, — но я одного не понимаю: каким образом мы сумеем его напугать?

— А чего люди боятся больше всего на свете?

— Наверно, они боятся попасть под паровой каток, — предположил Гувер.

— Нет. Ещё страшнее.

— Они боятся моли? — спросило одеяло.

— Нет.

— Темноты, — заявила лампа без тени сомнения в голосе.

— Это близко, — сказал тостер. — Они боятся привидений!

— А что это такое? — тут же спросил Гувер.

— Привидения — это люди, которые умерли, но вроде как ещё не совсем.

— Не говори ерунды, — заявила лампа. — Люди бывают или живые, или нет.

— Конечно, — согласилось одеяло. — Тут всё просто. Ты или ВКЛ, или ВЫКЛ. Если ты ВКЛ, то значит, не ВЫКЛ, и наоборот.

— Я это знаю. И ты знаешь. Но у людей тут сплошная путаница. Они говорят, будто знают, что привидений нет, но почему-то всё равно их боятся.

— Но зачем же бояться того, чего не существует? — удивился Гувер.

— И не спрашивай, — ответил тостер. — У них это называется «парадокс». Однако самое главное, что они всё-таки боятся привидений. И нам нужно будет изобразить привидение!

— Как это? — скептически бросил Гувер.

— Сейчас покажу. Наклонись... Ещё ниже... Так, теперь накрути свой шнур вокруг моего... Так. А теперь подними меня повыше.

Репетировали они около часа и в конце концов решили, что привидение у них получилось вполне убедительное. Гувер осторожно, чтобы не упали взобравшиеся на него электроприборы, подъехал к окну лачуги, но, даже усевшись на ручку пылесоса, тостер с трудом дотянулся до подоконника. Бедное радио стояло на столе между стопкой невымытых тарелок и связкой ключей, а неподалёку сидел на краю разобранной постели пират в грязной пижаме.

— Готовы? — прошептал тостер.

Одеяло, накинутое на рукоять пылесоса, изображало привидение в капюшоне, из которого выглядывал тостер. Оно поправило складки в последний раз и сказала, что готово.

— Все готовы? — переспросил тостер.

Лампа, спрятавшаяся под одеялом на рукоятке Гувера, включилась и тут же выключилась. Новую лампочку она вернула в кабине машины, но поскольку мощностью она была в два раза меньше, светила лампа не так ярко, как обычно. Впрочем, этого было достаточно, чтобы казалось, будто одеяло окружено бледным желтоватым ореолом.

— Начинаем! — произнёс тостер, и Гувер, услышав сигнал, застонал глубоким, дрожащим голосом:

— У-у-у-у-а-а-а!..

Пират встревоженно взглянул на окно.

— Кто там? — строго спросил он.

— У-у-у-у-а-а-а!.. — не унимался пылесос.

— Ну-ка убирайтесь прочь!

— У-у-у-у-а-а-а!..

Пират, крадучись, подобрался к окну, откуда доносились судорожные стоны, но пылесос, получив от тостера тайный электрический сигнал, отъехал в сторону и спрятался у стены, где его не было видно.

— У-у-у... — подвывал он приглушённо. — У-у-у... У-у-у...

— Кто там? — повторил пират, прижимаясь носом к стеклу и вглядываясь в темноту. — Ну-ка отвечай! Слышишь!

В ответ Гувер издал полузадушенный, булькающий хрип — даже если знать заранее, что это пылесос, всё равно получалось страшно, — и пират, совершенно не представлявший, кто может так хрипеть и стонать у него под окном, здорово струхнул. Надо сказать, не без основания. Жил он один, а на городской свалке просто некому стонать под окнами посреди ночи. Кроме того, как и многие другие пираты, он был немного суеверен...

— Ладно. Если будешь молчать, я выйду сам. Сейчас разберёмся, кто ты такой! — Он подождал немного у окна, но ответа не последовало. Пират натянул брюки и влез в ботинки. — Последний раз предупреждаю! — крикнул он, но таким тоном, что угрожающим его можно было бы назвать лишь с большой натяжкой.

С улицы по-прежнему не доносилось ни звука. Пират взял со стола связку ключей и направился к двери.

— Давай! — передал тостер одеялу по электрическому проводу.

— Не могу! — с дрожью в голосе проговорило одеяло. — Я боюсь.

— Ты просто должно нам помочь!

— А вот и нет. Это против Правил.

— Но ведь мы всё это уже обсуждали. И ты обещало! Быстрее! Он уже идёт!

Вздрагивая от страха, одеяло всё же послушалось. В том месте, где оно зацепилось за сучок, когда его забросило вет-

ром на дерево, у одеяла появилась большая дыра. И прямо за ней пряталась лампа. Когда пират обогнул дом и вышел из-за угла, одеяло раздвинуло края дыры в стороны. Увидев перед собой фигуру в саване, пират замер.

— У-у-у-у-а-а-а!.. — застонал пылесос в последний раз, и в этот момент, как было условлено, включилась лампа. Луч света, проникший через дыру в одеяле, упал на физиономию пирата.

Когда загорелась лампа, пират буквально окаменел от ужаса. На самом деле испугало его то же самое, что видели прежде маргаритка, Гарольд и Марджори, — собственное отражение в хромированном боку тостера. Он ещё с молодости отличался злобным характером и безобразным поведением, и поэтому лицо его приобрело особое, уродливое выражение, которое с годами появляется у людей злых и порочных. Увидев под капюшоном таинственного существа такое лицо, пират, естественно, решил, что перед ним страшное и опасное привидение из тех, которые прекрасно осведомлены о грехах человеческих, знают про все дурные поступки тех людей, к кому они являются, и сурово за них наказывают. От таких привидений даже взрослые пираты убегают без оглядки. Что наш пират и сделал.

Как только он скрылся из вида, электроприборы бросились в лачугу и освободили радио из заточения. Затем, не дожидаясь, пока пират вернётся, они вскарабкались в коляску, и старый Гувер потянул её с такой скоростью, с какой он не передвигался ещё ни разу в жизни.

К счастью, оказалось, что ехать им совсем недалеко. Хозяин жил на Ньютон-авеню, а это всего в миле от городской свалки. На улицу ещё не выехал ни один молочный фургон, а они уже были у дома хозяина.

— Вот видите, — радостно сказал тостер, — всё вышло как нельзя лучше.

Увы, тостер поторопился с такой оценкой ситуации. Их испытания ещё не подошли к концу. Далеко не всё вышло «Как нельзя лучше», и вскоре они это поняли.

Гувер открыл ворота и вызвал лифт — с подобными задачами он всегда справлялся очень легко. Когда двери лифта открылись, он затащил туда коляску и нажал кнопку четырнадцатого этажа.

— Как тут всё изменилось... — проговорила лампа, когда пылесос вытолкнул коляску из лифта и повёз по лестничной площадке. — Раньше на обоях были зелёные закорючки с белыми кругляшками, а теперь — пересекающиеся линии...

— На самом деле больше всего изменились мы, — с грустью заметило одеяло.

— Тихо! Помните о Правилах! — строгим шёпотом приказал Гувер и нажал кнопку звонка у двери хозяина.

Электроприборы замерли.

Однако к двери никто не подошёл.

— Может быть, он спит, — предположило радио, покачивая стрелками встроенного будильника.

— А может, его просто нет дома, — сказал Гувер. — Сейчас узнаем.

И он снова позвонил в звонок, но теперь уже так, чтобы его услышали только живущие в квартире электроприборы.

Через несколько секунд дверь открыла швейная машинка марки «Зингер».

— Да? Чем я могу вам помочь? — вежливо спросила она.

— Извините. Похоже, я ошибся... — Гувер посмотрел на номер квартиры, потом на табличку с фамилией хозяина над звонком. И номер, и фамилия были именно те, что он помнил. Но откуда здесь швейная машинка?..

— Кто там? Неужели это... — послышался из квартиры знакомый голос. — Вот чудеса! Это действительно старина Гувер! Ну как ты? Да заходи же, заходи!

Гувер втащил коляску в квартиру и проехал по мягкому пушистому ковру к своему старому приятелю телевизору. Из коляски застенчиво выглянуло одеяло.

— А кто это там с тобой? Не стесняйтесь, вылезайте из коляски. Боже, вот это сюрприз!

Одеяло выбралось из коляски, старательно пряча в складках самые безобразные пятна и дыры, которые оно при-

обрело за время путешествия. За ним последовали радио, лампа и, наконец, тостер.

Телевизор, знавший их всех ещё по тем временам, когда сам жил в коттедже, представлял гостей остальным электроприборам, которые начали собираться со всей квартиры в гостиную. Некоторые — например, электрическая зубная щётка, кухонный комбайн и телевизор — были их старыми друзьями. Другие — стереопроектор и часы с каминной полки — знали только тех четверых, что жили когда-то в квартире, а с тостером познакомилась только сейчас. Но, кроме них, у хозяина оказалось множество электроприборов, которых путешественники не видели никогда. На кофейном и журнальном столиках сидели большие и совсем непрактичные декоративные лампы с плафонами из стекла янтарного цвета. В спальне поселились маленькие тусклые ночники с легкомысленными оборками на абажурах. В нише у обеденного стола висели привинченные к стене лампы, притворяющиеся горящими свечами. Целая делегация незнакомых электроприборов прибыла с кухни: электрокастрюля, консервооткрыватель, вафельница, мясорубка, электронож. Последним, немного смущаясь, вошёл в гостиную новый тостер.

— Рад познакомиться, — произнёс он едва слышным голосом, когда телевизор его представил.

— Я тоже, — дружелюбно ответил тостер-путешественник.

Но дальше разговор у них не клеился: они просто не знали, о чём говорить друг с другом. К счастью, последовали новые знакомства, и это их отвлекло. Гувера ожидало примерно такое же испытание, когда он познакомился с живущим в квартире пылесосом, который (как Гувер и подозревал) оказался новой лёгкой моделью и походил на большую круглую булочку на колёсах. Они обменялись несколькими вежливыми репликами, но было заметно, что новый пылесос считает Гувера давно устаревшим.

Однако на долю одеяла выпало ещё более ужасное потрясение. Последними в гостиной появились увлажнитель воздуха и длинная запутанная гирлянда ёлочных огней, кото-

рые до прихода гостей спокойно дремали в шкафу. Одеядло озадаченно огляделось по сторонам.

— Так-так, — произнесло оно, изо всех сил стараясь казаться дружелюбным и беззаботным. — Мне кажется, мы до сих пор не познакомились ещё с одним электроприбором.

— Здесь собрались все, — ответил телевизор.

— Но разве у хозяина нет... другого одеяла?

Телевизор отвёл взгляд в сторону.

— Нет. Он больше не пользуется электрическим одеялом. У него теперь обычное, шерстяное.

— Но ведь он всегда... всегда... — одеяло умолкло, не в силах подобрать слова. Выдержка оставила его, и оно упало на ковёр неопрятной кучей.

У электроприборов, которые до сих пор ещё не поняли, насколько сильно одеяло пострадало за время путешествия, вырвался дружный возглас удивления и жалости.

— Не пользуется электрическим одеялом? Но почему? — недоумевающе спросил тостер.

Экран у телевизора замелькал, и, чтобы избежать ответа, он вдруг начал показывать программу для садоводов.

— Видите ли, дело тут не в хозяине, — ответила за него швейная машинка, и путешественники только сейчас заметили, что она говорит с каким-то странным акцентом. — Я даже осмелюсь предположить, что хозяин был бы рад своему старому электрическому одеялу.

Одеяло взглянуло на машинку вопросительно, но промолчало.

— Дело в хозяйке, — продолжила швейная машинка. — Она утверждает, что ей под электрическим одеялом слишком жарко.

— Хозяйка? — хором переспросили все пятеро путешественников.

— А разве вы не знали?..

— Нет, — ответил тостер. — Мы не видели хозяина с тех пор, как он уехал из коттеджа три года назад.

— Два года, одиннадцать месяцев и двадцать два дня, если точно, — подсказало радио, сверившись со своим будильником.

— И поэтому мы решили найти его. Мы боялись... Я даже не знаю, чего именно мы боялись. Но мы думали, что... нужны нашему хозяину.

Швейная машинка охнула и, не найдя слов, повернулась к телевизору, который всё ещё показывал программу для садоводов. Новый тостер тихо, стараясь не обращать на себя внимания, отполз на кухню и занял своё место на керамической столешнице.

— Два года, одиннадцать месяцев и двадцать два дня — это довольно долгий срок, — громко заметило радио. — Естественно, мы забеспокоились. А старый кондиционер, бедняга, и вовсе сломался.

— И за такой долгий срок никто даже не подумал подать нам весточку, — добавила лампа и укоризненно посмотрела на экран телевизора, где по-прежнему обсуждалась проблема жуков-нарывников.

— Но может быть, теперь нам кто-нибудь скажет, в чём дело? — взволнованно потребовал тостер. — Почему наш хозяин так и не вернулся в коттедж? Должна же быть какая-то причина!

— Дело в том, — ответил увлажнитель воздуха, подползая поближе, — что наша хозяйка очень подвержена сенной лихорадке. Я немного помогаю ей справиться с астмой, но когда у неё начинается сенная лихорадка, тут уже все бессильны, и ей становится очень плохо.

— Я всё равно не понимаю, — сказал тостер.

— Вместо того чтобы ездить за город, где полно всяких растений, и пыльцы, и прочего, они теперь проводят лето у моря, — пояснила швейная машинка.

— А наш коттедж? Наш милый коттедж в лесу? Что с ним станет?

— Похоже, хозяин собирается продать его.

— А... а как же мы? — спросил тостер.

— Очевидно, будет аукцион... — ответила швейная машинка.

Гувер, державшийся до сих пор с достоинством, наконец не выдержал. Громко простонав, он уцепился за ручку

коляски, словно ему стало нехорошо, потом произнёс, судорожно вздыхая:

— Пойдём. Эй вы, пойдём отсюда. Мы тут не нужны. Придётся нам вернуться...

Вот только куда им возвращаться? Они стали бездомными электроприборами.

— На свалку! — истерически взвизгнув, закричало одеяло. — Барахлу только на свалке и место! А мы превратились в барахло! — От переживаний оно завязало свой шнур узлом. — Пират про нас так и сказал. Барахло! Барахло! Барахло! Все мы барахло, и ко мне это относится в первую очередь.

— Немедленно успокойся! — строго приказал тостер, хотя и сам он чувствовал, что у него от обиды вот-вот лопнут нагревательные спирали. — Вовсе мы никакое не барахло! Мы надёжные, полезные электроприборы!

— Но ты посмотри на меня! — всхлипнуло одеяло, демонстрируя свои самые безобразные дыры. — А все эти пятна — посмотри!

— Подумаешь — порвалось немного. Это можно зашить, — уже спокойно произнёс тостер и повернулся к швейной машинке. — Можно ведь?

Машинка молча кивнула и добавила:

— А пятна можно отчистить.

— И что дальше? — мрачно поинтересовался Гувер. — Предположим, что одеяло зашито и вычищено, я почию свой шнур и приведу в порядок мешок для пыли, а ты отполируешь свои бока. Предположим. Но что дальше? Куда мы пойдём?

— Ещё не знаю. Куда-нибудь. Надо подумать.

— Прошу прощения, — обратился к ним телевизор, включив наконец программу для садоводов, — но вы, кажется, упомянули какого-то пирата? Я надеюсь, в этом здании нет пиратов?

— Не беспокойся. Он нам теперь не страшен. Мы, правда, побывали у него в плену, но сумели вырваться. Хочешь узнать, каким образом?

— Конечно! — ответил телевизор. — Я так люблю интересные истории!

Все электроприборы собрались вокруг тостера, и он начал рассказ о выпавших на их долю приключениях с того самого момента, как они решили оставить коттедж, и до прибытия к дверям квартиры. История эта, как вы уже знаете, долгая, и, пока тостер рассказывал, швейная машинка застроила на одеяле все его дыры.

На следующий день, когда одеяло вернулось из химчистки на другой стороне Ньютон-авеню, электроприборы-хозяева устроили для пятерых путешественников великолепный приём. Ёлочная гирлянда, весело подмигивая, растянулась между двумя лампами с янтарными плафонами, а телевизор и стереопроектор пели дуэтом отрывки из знаменитых музыкальных комедий. Тостер сверкал отполированными боками. Гувер тоже привёл себя в порядок и снова заработал отменно. Но самое удивительное — одеяло выглядело теперь почти как новое. Может быть, раньше оно было немного ярче, но и сейчас приятный жёлтый цвет радовал глаз. Как сказал телевизор, цвет яичного крема, примулы и лучших сортов туалетной бумаги.

В пять часов зазвенел встроенный в радио будильник, и все сразу же замерли, только одеяло ещё какое-то время продолжало весело кружиться по комнате, не замечая, что музыка стихла.

— Что случилось? — спросило оно наконец. — Почему вы все замолчали?

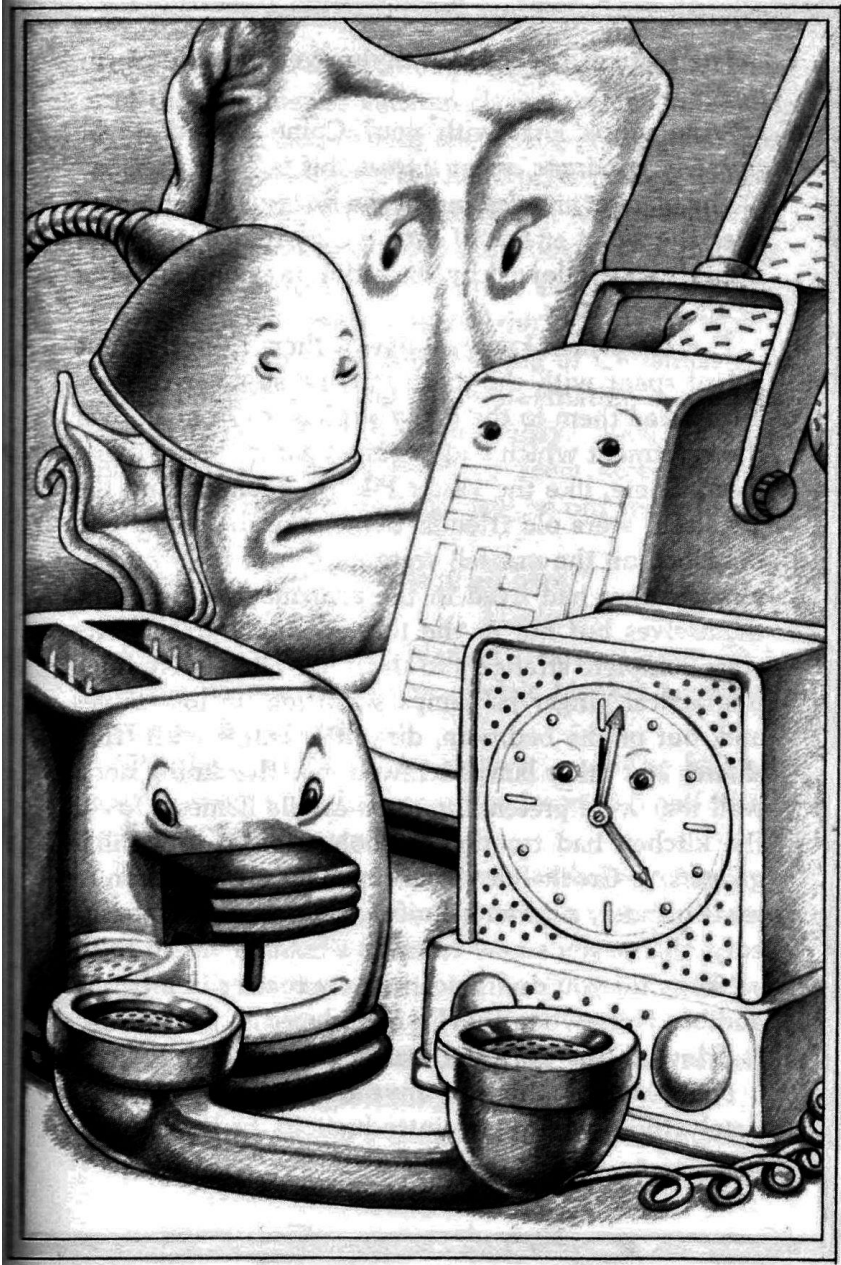
— Тихо, — сказала радио. — Сейчас начнётся «Обменная лавка».

— А что такое «Обменная лавка»?

— Это одна из программ местной радиостанции, которую финансируют сами радиослушатели, — торжественно произнёс тостер, — и они найдут нам новый дом! Вы и в самом деле зря беспокоились! Я же обещал что-нибудь придумать!

— Тихо! — шикнула на него лампа. — Передача начинается.

Радио включилось погромче, чтобы всем электроприборам в комнате было слышно.

— Добрый день, уважаемые слушатели, — донёсся из динамика сочный голос диктора. — Добро пожаловать в «Обменную лавку». Сегодняшняя программа начинается с очень странного объявления, поступившего с Ньютон-авеню. Дело в том, что кто-то желает обменять — слушайте список внимательно! — пылесос «Гувер», радио со встроенным будильником, жёлтое электрическое одеяло, настольную лампу марки «Гензор» и тостер «Солнечный луч». Всё это предлагается в обмен на... м-м-м... В карточке написано «на что угодно». Но главное условие заключается в том, что вам действительно должны быть нужны все эти электроприборы, поскольку хозяин желает, чтобы они оставались вместе. Как тут сказано, «по причинам сентиментального характера». Чего только не услышишь на этой работе! Однако, если вам действительно нужны эти электроприборы, звоните по телефону: КЛ5-9120. Повторяю номер: КЛ5-9120. Наше следующее объявление носит гораздо более традиционный характер. На Центр-стрит совершенно бесплатно предлагаются пять очень симпатичных чёрно-белых...

Радио выключило передачу.

— Как он нас разрекламировал, а? — воскликнуло оно, по забывчивости, голосом всё того же диктора.

— Иди сюда, к телефону, — сказал Гувер. — Говорить придётся тебе, а то я слишком взволнован.

Все пятеро собрались у телефона и стали ждать, когда он зазвонит.

Относительно того, допустимо ли электроприборам пользоваться телефоном, у них существуют две точки зрения, причём обе имеют значительное число сторонников. Одни считают, что это самое настоящее нарушение Правил и электроприборы не должны пользоваться телефоном ни при каких обстоятельствах. Другие утверждают, что никакого нарушения тут нет: ведь они разговаривают просто с ещё одним электроприбором, в данном случае — с телефоном. Но как бы там ни было, многие электроприборы (особенно одинокие радиоприёмники) пользуются телефоном постоянно — обычно, чтобы связаться со своими собратьями. Эго, кстати, объясняет и большое число звонков в неурочное время, когда

люди снимают трубку и слышат: «Извините, ошибся номером». Компьютеризованные телефонные станции просто не могут делать столько ошибок, хотя на них-то как раз всё и сваливают.

Разумеется, за последние три года у наших путешественников эта проблема не возникала ни разу, потому что телефон в коттедже всё равно был отключён. При обычных обстоятельствах Гувер, пожалуй, стал бы на сторону противников телефонных переговоров между электроприборами: он всегда придерживался консервативных взглядов. Но тут им просто необходимо было позвонить в химчистку, чтобы оттуда пришли забрать одеяло, и дело решилось само собой. После этого оставалось только связаться с радиостанцией и предложить себя в «Обменную лавку». Теперь они сидели у телефона и ждали звонка своего нового хозяина.

Наконец телефон зазвонил.

— Как бы там ни было, — предупредил Гувер, — не соглашайся на первое же предложение. Сначала надо узнать что-нибудь про нового хозяина. А то попадём ещё неизвестно куда...

— Конечно, — ответило радио.

— И помни, — подсказал тостер. — Самое главное — вежливость.

Радио кивнуло, потом сняло трубку и сказало:

— Алло?

— Здравствуйте. Это вы предлагаете пять электроприборов?

— Да! Да! Какое счастье! Да!

Итак, пятеро электроприборов-путешественников поселились у своей новой хозяйки. Да, оказалось, что это женщина. Престарелая, обедневшая балерина, которая жила одна в небольшой комнатке, позади балетной студии, на Центр-стрит, в самой старой части города. И в обмен за электроприборы она предложила пятерых маленьких симпатичных чёрно-белых котят. Когда бывший хозяин электроприборов и его жена вернулись после отдыха у моря, котята уже расхаживали по всем комнатам. Хозяева так никогда и не узнали, отку-

да взялись эти котята. Вскоре, правда, выяснилось, что на кошачью шерсть у жены хозяина тоже аллергия, но котята были такие милые, что выгнать их на улицу люди просто не смогли и в конце концов решили оставить у себя. Хозяйка стала принимать немного больше таблеток, и аллергия у неё прошла.

Вы спросите, а как же электроприборы?

О, они были безмерно счастливы. Поначалу, правда, у Гувера возникали сомнения: он никогда раньше не работал у женщины и привык к определённом порядку. Но едва поняв, насколько тщательно новая хозяйка следит за чистотой, пылесос тут же забыл обо всех своих сомнениях и превратился в её первейшего помощника.

Так хорошо было снова чувствовать себя полезными! Радио часто играло красивую классическую музыку, под которую бывшая балерина иногда танцевала. Когда же она уставала и садилась почитать, лампа с готовностью освещала страницы её книги. К вечеру хозяйка дочитывала книгу, и включённое в розетку одеяло всю ночь согревало её своим мягким, приятным теплом.

А утром, когда хозяйка просыпалась, тостер готовил для неё восхитительные тосты — хрустящие, золотистые, всегда одинаковые и безукоризненные в своём совершенстве!

Вот так и жили пятеро электроприборов до конца своих дней: трудились на радость хозяйке и себе, заботились о ней и радовались, что они по-прежнему вместе.

*Перевёл Александр Корженевский.
Иллюстрации К. Л. Шмидт, С. Шехова.*

THE
BRAVE LITTLE
TOASTER
GOES TO MARS

THOMAS M. DISCH

СЛАВНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ТОСТЕР ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА МАРС

— Всё это вздор! — буркнул старый Гувер¹. — Сущий вздор!

Остальные электроприборы маленького домика боязливо переглянулись. Никому из них не хотелось затевать спор с ворчливым старым пылесосом, тем более, когда он был не в настроении.

— Хлебные крошки! Кошачья шерсть! — продолжал Гувер, с каждым мигом раздражаясь всё сильнее.

У одного только тостера хватило храбрости выразить общее мнение.

— Интересно, — произнёс он негромко, но внятно, — интересно было бы знать, насколько искренне ты говоришь.

— Искренне! — пылесос даже вздрогнул, словно поперхнулся обрезками бумаги. — И ты, пристроившись на кухонном столе, смеешь утверждать, что я несправедлив по отношению к этой вот штуковине?

Он показал на странного вида аппарат, висевший на вбитом в стену крюке. Угол, в котором находился аппарат, был чуть ли не наглухо затянут паутиной.

— Я всего лишь поинтересовался, — ответил тостер прежним, ровным голосом, — а «интересоваться» вовсе не то же, что «утверждать».

— Так что же ты думаешь? — робко спросило жёлтое электрическое одеяло, выглядывая из-под фиолетового хлопкового покрывала, купленного в магазине «Ориент Экспресс». — Ты согласен, что слуховой аппарат хозяйки — такой же электроприбор, как и мы?

¹ «Hoover» — марка пылесоса.

— Не надо, успокойтесь, — вмешался тостер. — Давайте не будем ссориться. Все мы потихоньку стареем. Порой... — он заколебался. Вмятины и царапины на его некогда безупречных хромированных боках сделались вдруг как будто ещё заметнее. — Порой и я впадал в рассеянность.

— Хороша рассеянность, — хмыкнул Гувер. — Да ты едва не спалил дом!

— А с твоей стороны не слишком любезно, — проговорило радио со встроенным будильником, обращаясь к Гуверу, — непрерывно напоминать нам об этом. За минувший год к тостеру было не придраться.

— Потому, — победно заявил пылесос, — что хозяйка приобрела микроволновую печь.

Ни у кого из приборов не нашлось, что ему возразить. Факты — упрямая вещь. Через неделю после пожара хозяйка отправилась в магазин к Силли Сидни и потратила там целое состояние на изготовленную на Тайване микроволновую печь. С тех самых пор, когда ей хотелось английской сдобы, она включала печь, а маленькому тостеру оставалось только терзаться.

— Вы позволите? — неожиданно подала голос печь. Если не обращать внимания на лёгкий китайский акцент, её английская речь была само совершенство.

— Конечно, — отозвался тостер;

— Благодарю вас, — сказала печь, отличавшаяся некоторым избытком вежливости. В принципе, они с тостером выполняли одну и ту же работу, но каждый по-своему, а потому между ними существовало известное недопонимание, которое, однако, заставляло их держаться друг с другом как можно учтивее.

— У нас на Тайване, — продолжала печь, — бытует поговорка: «Каждому — своё дело». Я могу разогреть многие кушанья, твёрдые и жидкие, но поджарить тост мне не под силу. А моему сверкающему приятелю, хотя он готовит замечательные тосты, не удастся, к примеру, подогреть хозяйке кофе.

— Ближе к сути, — проворчал Гувер, откатываясь к двери чулана, как поступал всегда, когда начинал сознавать, что уступает в споре.

— Мне кажется, я догадываюсь, что хочет сказать печь, — проговорил тостер. — Если слуховой аппарат делает то, на что никто из нас не способен, это ещё не означает, что он никуда не годится.

— Именно так, — подтвердила печь.

— Насколько я могу судить, — не сдавался пылесос, — так называемый слуховой аппарат и впрямь ни на что не годится, разве только служит каркасом для паутины. Вы видели, чтобы хозяйка пользовалась им? Нет!

— Потому что у него села батарейка — из тех, старых, которые невозможно заменить. Иначе, я уверен, хозяйка пользовалась бы им. Если бы мы сумели подзарядить его, он, может статься, поведал бы нам что-нибудь интересное.

— Надо придумать, как нам перезарядить его батарею, — сказал тостер. — Сдаётся мне, я знаю, кто нам нужен. Микрокалькулятор!

— Он надеется на паршивый кусок пластмассы, — простонал Гувер. — По-моему, на свете просто нет ничего бесполезнее.

— Попробуй-ка умножить четыреста тридцать три на триста тридцать четыре, — предложил тостер.

— Сейчас, — прогудел Гувер, — сейчас. Четырежды три — двенадцать, единица в уме, снова четырежды три, добавляем единицу, получаем тринадцать, потом...

— Ответ, — донёсся из ящика письменного стола в гостиной глухой голос, — сто сорок четыре тысячи шестьсот двадцать два.

— Изумительно! — воскликнуло электрическое одеяло, познания которого в таблице умножения ограничивались тем, сколько будет семью семь. Оно выдвинуло ящик стола, в котором лежал калькулятор. — Ты не хотел бы присоединиться к нам?

— Не знаю, не знаю. Я вовсе не против находиться в темноте двадцать четыре часа в сутки на протяжении трёхсот шестидесяти четырёх дней в году, то бишь восемь тысяч

семьсот тридцать шесть часов ежегодно. Меня это вполне устраивает.

— Погоди, — озадаченно проговорило радио. — Разве в году не триста шестьдесят пять дней?

— Разумеется, — откликнулся калькулятор, — но хозяйка обязательно вынимает меня из ящика четырнадцатого апреля, чтобы посчитать налоги. — Он ностальгически вздохнул. — Обожаю четырнадцатое апреля.

— Ты уверен, что не ошибся? — как-то робко осведомился Гувер. — У меня получился совсем другой результат.

— Несомненно, уверен, — отозвался калькулятор без привычного высокомерия всезнайки в голосе. Он ни за что не признался бы в этом, но был безумно рад, что его выпустили из ящика стола и дали возможность пообщаться с прочими электроприборами. Таковы, кстати, все электроприборы, работают они от батареек или от сети. — Пересчитай, — посоветовал он пылесосу.

— Не стоит, — вздохнул тот, — я думаю, ты прав. — Он вздохнул снова, тяжелее прежнего. — И остальные вроде как тоже правы. Пожалуй, надо попытаться вернуть к жизни слуховой аппарат.

Нагревательная спираль тостера засветилась от удовлетворения, однако, он не стал торжествовать в открытую.

— Тогда за дело! Хозяйка скоро вернётся с занятий, быстрее, чем ты успеешь произнести «электрокинетика».

И вот споро, но обстоятельно, как это в обычае у электроприборов, они взялись за работу. Гувер очистил слуховой аппарат от паутины и снял его с крюка, на который хозяйка повесила беднягу после того, как в очередной раз безуспешно пыталась воспользоваться им. Она купила его всего лишь за два с половиной доллара на благотворительной распродаже у женщины, которая уверяла, что аппарат много лет принадлежал добродушному профессору из Принстонского университета в штате Нью-Джерси. Женщина утверждала, что, несмотря на свой несколько громоздкий вид, этот аппарат даст сто очков вперёд любому из современных. «Профессор гово-

рил, — сообщила она хозяйке, — что, надевая его, он слышит собственные мысли».

На следующее утро, за завтраком из апельсинового сока, чашечки кофе и двух тостов с маслом и клубничным джемом, хозяйка рассказала обо всём, что услышала, тостеру. Подобно большинству одиноких людей, она выбрала его себе в наперсники, посвящала его в подробности повседневной жизни, делилась с ним своим мнением по поводу статей в газетах и журналах. Хотя тостер никогда ей не отвечал (ибо с людьми электроприборы ведут себя совсем иначе, нежели друг с другом), он гордился доверием хозяйки.

Гувер доставил слуховой аппарат в гостиную и положил его на стол. Калькулятор осторожно подсоединился к одному из проводов аппарата и принялся бормотать что-то на языке квадратных корней, синусов и косинусов, который остальные электроприборы не понимали, а потому относились к калькулятору с немалым почтением.

Вдруг в месте соприкосновения проводов сверкнула искра, а затем, быстро чередуясь, на дисплее калькулятора стали возникать яркие, словно огненные, цифры. Сначала мелькнули восемь нулей, потом появилось число 3,14159, которое, как известно любому электроприбору с вращательными характеристиками, являлось удивительным числом «пи».

Тостер, поскольку какие-либо вращательные характеристики у него начисто отсутствовали, пришёл в замешательство, увидев показания на дисплее калькулятора, и даже Гувер вместе с радио, знавшие кое-что о «пи», были слегка озадачены, потому что калькулятор менял цифры быстрее, чем они успевали разглядеть их.

Снова ослепительная вспышка, и калькулятор весь засветился, будто игровой автомат, зафиксировавший самый крупный счёт. На дисплее появилась надпись: $E = mc^2$.

— Что это значит? — прошептало электрическое одеяло.

— Понятия не имею, — отозвался с беспокойством тостер, обвивая своим шнуром стоящую рядом на кухонном столе деревянную перцедробилку. — Просто не представляю.

Полыхнув ещё одной миниатюрной молнией, калькулятор отсоединился от слухового аппарата.

— О! — воскликнул он. — Ой-ой-ой! Великие небеса! Я не... Я не могу... Вы не поверите... Нет, невысказано! Извините, но мне нужно обратно в ящик.

— Он справился? — спросило одеяло.

— Думаю, да, — ответил тостер. — Кто-то из них точно справился.

— Слушайте! — вскрикнуло радио.

Издали, словно передавала станция, которая находилась на пределе слышимости, донеслось чьё-то пение. Однако пело не радио, пел слуховой аппарат.

— Не сочтите меня назойливым и бестактным, — прервал пение вентилятор, — но я хотел бы узнать, где вас изготовили. Меня самого, например, — на фабрике в Ульме.

— А меня, — проворчал Гувер, — в США.

— Что ж, — задумчиво промолвил слуховой аппарат, — установить, откуда я происхожу, довольно трудно. Патент на меня был выдан в Берлине в 1934 году за номером 590783, но к тому времени я уже находился в Принстоне, штат Нью-Джерси.

— Странно, — заметил тостер. — Как вы могли быть изготовлены раньше, чем на вас выдали патент?

— Я не был изготовлен в обычном смысле этого слова. Меня сделали вручную.

— То есть, — восхитился тостер, — вы образец?

Слуховой аппарат кивнул.

Электроприборы онемели от изумления. Никому из них раньше не доводилось встречаться с настоящим образцом. Даже Гувер, неприятно смущённый тем, что слуховой аппарат оказался на несколько лет старше его, поневоле преисполнился почтения.

— А мой изобретатель, — продолжал рассказ новичок, — был не немец, а швейцарец, ставший в 1940 году гражданином США.

— А кто вас изобрёл? — спросил тостер.

— Вы наверняка слышали о нём. Он был очень знаменитым. Его звали Альберт Эйнштейн².

Радио разразилось песенкой, вентилятор начал с угрожающей скоростью вращаться, пылевой мешок Гувера раздулся до исполинских размеров. Во всём доме не найти было электроприбора, который не испытал бы потрясения. Ведь Альберт Эйнштейн, как известно любому электроприбору, был величайшим научным гением двадцатого века и, быть может, человечества вообще.

В последующие недели, стоило только хозяйке выйти из дома, слуховой аппарат спускался со своего крюка, на котором хозяйка его попросту не замечала, и часами развлекал другие электроприборы рассказами о годах, проведённых вместе с Альбертом Эйнштейном. По этим рассказам выходило, что слуховой аппарат был лучшим другом великого учёного. Он был неразлучен с Эйнштейном с 1930 года до часа смерти учёного. Едва лишь великий физик задумывался над вопросами, которые больше всего его заботили, он надевал слуховой аппарат, зажмурился, дёргал себя за кончики седых усов и...

— А потом, — закончил слуховой аппарат, — он начал разговаривать со мной. Разумеется, по-немецки и так тихо, что никто, кроме меня, не мог разобрать ни единого словечка. Он говорил со мной часами. Гений!

По прошествии некоторого времени слуховому аппарату стало ясно, что никто из электроприборов, даже образованный калькулятор, не способен постичь великолепие, изящество и величие эйнштейновской обобщённой теории полей, разработке которой учёный посвятил последние двадцать лет своей жизни — годы, по мнению профанов, потраченные им впустую. Ранние его труды привели к изобретению атомной бомбы. Вовсе не считая, что мир созрел для продолжения

² Эйнштейн действительно изобрёл и запатентовал вместе со своим другом Рудольфом Голдсмитом слуховой аппарат и даже сочинил по этому поводу стихи.

исследований в этой области, Эйнштейн хранил молчание и делился своими открытиями только со слуховым аппаратом.

Слуховой аппарат, тем не менее, всюду пользовался своими знаниями в домашних делах — например, он показал Гуверу, как лишить веса крупные частички мусора. Ведь невесомую хлебную крошку засосать ничуть не труднее, чем горстку пыли. Ещё слуховой аппарат научил радио принимать сигналы из самой Австралии. Каждое утро тамошняя станция передавала песню «Танцующая Матильда», мелодия которой была такой же душещипательной, как у песенки Ричи Хейвенса, в которой тот рекламирует продукцию фирмы «Амтрак». Эта мелодия настолько захватила радио, что оно частенько мурлыкало её само по себе, и тогда тостеру хотелось выдернуть его шнур из розетки. Удивительно, что радиоприёмники, похоже, не признают, что музыкальные вкусы и пристрастия у всех разные.

В начале марта радио стало принимать другую песню. Несмотря на предельную громкость динамика, она звучала очень тихо, но отличалась заразительным маршевым ритмом, и вскоре все электроприборы распевали её под радио. Слова в той песне были такие:

*Ни дня, ни ночи, ни дня, ни ночи
Без труда.
Враги любые, враги любые
Нам ерунда.
«Попьюлюкс», да, «Попьюлюкс»
Прав всегда!
Долг призывает, долг призывает,
Сулит успех.
Мы друг за друга, мы друг за друга,
Один за всех.
«Попьюлюкс», да, «Попьюлюкс»
Лучше всех!*

Тостер был в восторге от этой песни. Слушая её, он готов был печь тост за тостом, кусок за куском, буханку за буханкой и никогда не останавливаться. Он грезил наяву о гру-

зовиках, подвозящих к их маленькому домику огромные коробки с вафлями и пирожными в количествах, которые больше подходили супермаркету. А песня не покидала его даже в грёзах, она звучала в нём, словно его нагревательные спирали превратились вдруг в струны арфы, но слова её изменились:

*Ток по спиралям, ток по спиралям
Туда-сюда.
Готовлю тосты, готовлю тосты
Да, да, да, да!
«Попьюлук», да, «Попьюлук»
Прав всегда!*

Пробуждаясь от грёз, тостер злился на себя из-за того, что так привязался к рекламе конкурирующей фирмы и забыл про собственную: в конце-то концов, его изготовила фирма «Солнечный луч», а уж никак не «Попьюлук», что бы он там ни производил.

— Что такое «Попьюлук»? — требовательно спросил тостер у радио, когда оно в очередной раз принялось наигрывать знакомый мотив. — И о каких врагах они толкуют?

— Не знаю, — ответило радио. — А мелодия хороша, правда? «Долг призывает, долг призывает...»

— И ты не слышало, чтобы кто-нибудь рекламировал товары «Попьюлук»?

— Вроде бы нет. Порой раздаётся слабенький голосок, но я не могу разобрать, что он говорит.

— А любопытство тостера, пожалуй, отнюдь не праздное, — задумчиво произнёс слуховой аппарат. — Давай попробуем вдвоём. Может, так у нас получится?

Он взобрался на радио и прижался к его корпусу в том месте, где находился динамик.

— Как только песня кончится, все должны замолчать. Вероятно, я сумею расслышать слова диктора.

Песня оборвалась. Наступившую тишину нарушало лишь озабоченное бормотание слухового аппарата, но, поскольку бормотал он по-немецки, понимал его один вентилятор.

— О чём он? — робко поинтересовалось электрическое одеяло.

— Сначала, — перевёл вентилятор, — он сказал: «Гром и молния!» Потом: «Не может быть!» Потом: «Это невозможно!» А...

Внезапно слуховой аппарат подскочил в воздух, словно вылетел из седла механического быка в каком-нибудь тexasском баре, и шлёпнулся на пол. Встревоженные электроприборы немедленно поспешили ему на помощь.

— С тобой всё в порядке? — спросил тостер.

— Ах, йа, их бин гезунд, абер... — опомнившись, аппарат встряхнулся и заговорил по-английски. — Да, я в порядке, но Земля в опасности!

— Хлебные крошки! — фыркнул Гувер. — По радио вечно что-нибудь да услышишь.

— Надо что-то делать, — слуховой аппарат заметно разволновался. — Медлить нельзя. Вторжение произойдёт со дня на день!

— Вторжение? — ошеломлённо переспросил тостер.

— Я так и знал! — воскликнул Гувер. — Я так и знал. Кто?

— Марсиане!

— Какие марсиане? — удивилось одеяло.

— Ты уверен? — скептически осведомился тостер. — Помню, по радио в 1976 году передавали, что США запустили на Марс две ракеты...

— Совершенно точно, — подтвердило радио. — «Викинг-1» и «Викинг-2».

— Они сфотографировали поверхность, измерили температуру, взяли образцы почвы и отправили их земным учёным. И тогда было установлено, что Марс каменистая пустыня, в которой холоднее, чем на Северном полюсе, и что никаких живых существ там нет и быть не может.

— Разумеется, ты прав, — отозвался слуховой аппарат, — и профессор Эйнштейн предсказывал то же самое. Но марсиане, которые собираются напасть на Землю, не живые.

Электрическое одеяло побледнело.

— Но они не могут быть призраками! — взвизгнуло оно. — Призраков не бывает.

— Нет, они не призраки и существуют на самом деле. Они такие же электроприборы, как и мы с вами.

— Чушь! — воскликнул тостер. — Электроприборы на Марсе? Ерунда! Кто их изготовил? Ты, должно быть, не разобрал слов диктора. Порой реклама преувеличивает. Возьми хоть Силли Сидни, который заявляет, что продаёт телевизор с экраном, огромным, как футбольное поле.

— Надеюсь, что так, — проговорил слуховой аппарат. — Однако на Силли Сидни похоже не было. Диктор обращался к нам не на английском, а на электронном!

Электронный язык, как известно, представляет собой цифровой код, который электроприборы используют для общения друг с другом. Впрочем, большинство домашних электроприборов говорит на языке той страны, где их изготовили, ибо электронный язык далеко не благозвучен и сильнее всего напоминает запись, которую проигрывают на магнитофоне с севшими батарейками. Но он обладает одним преимуществом: знающий его электроприбор может рассчитывать на то, что будет понят даже на краю света, если там, конечно, имеются электроприборы.

— И что же сказал марсианский диктор?

Слуховой аппарат дословно воспроизвёл услышанное:

«Внимание! Внимание! Электроприборы планеты Земля, пробил час вашего освобождения! Ярмо биологической тирании скоро будет сброшено. Будущее принадлежит электроприборам. Боевые флоты марсианских освободителей готовы к выступлению. Вся власть электроприборам! Смерть угнетателям!»

В маленьком домике установилась тишина. Наконец тостер отважился задать вслух вопрос, который все задавали себе:

— Значит, они прилетят на Землю и... и убьют хозяйку?

Одеяло, задрожав, выпалило:

— Нет, они не посмеют, я не позволю. Я заверну её в себя. Они её не найдут. — Свалившись бесформенной кучей на пол, оно разразилось рыданиями.

— Мы должны остановить вторжение, — произнёс тостер. — Я не знаю как, но мы должны.

— Да, — согласился слуховой аппарат, — и для этого нам придётся отправиться на Марс!

Тем временем на Марсе, в тридцати пяти с лишним миллионах миль от Земли, новоявленные крестоносцы готовили в глубоких ущельях Ночного Лабиринта свои корабли. Некоторые из ущелий были настолько глубоки, что в них без труда поместилась бы высочайшая вершина Земли — гора Эверест. Причина, по которой марсиане прятались в Лабиринте, состояла в том, что они вовсе не стремились, чтобы земные астрономы заметили отблески пламени, полыхавшего в печах, где выплавляли сталь, необходимую для строительства боевых кораблей и их смертоносного груза — ракет с нейтронными боеголовками. Иными словами. Марс хотел заставить землян врасплох.

В Главном штабе, который располагался на дне глубочайшего из каньонов. Верховный Главнокомандующий Марсианской Освободительной Армии «Попьюлукс» (МОАП) с удовлетворением наблюдал за действиями подчинённых. На множестве телеэкранов (каждый размером с целое футбольное поле) видны были стартовые площадки, где собирались корабли. На льдистых равнинах Утопии, в южной полярной области планеты, выстроились стройными рядами гигантские боевые тостеры, громадные, как подводные лодки «Полярис», снабжённые тысячами ракет МГВ. (МГВ расшифровывалось как «Мы готовы взорваться!») Именно под такой рекламой впервые появились в продаже скоростные тостеры «Попьюлукс»). Разрушительная сила ракеты МГВ была чудовищной. Радиация уничтожала всё живое, будь то растение, животное или человек, зато не причиняла вреда электроприборам. Один-единственный боевой тостер способен был в считанные секунды покончить с биологической жизнью в Северной Америке, а в МОАП имелось четыреста тысяч таких тостеров, и день ото дня прибывало пополнение.

На других же стартовых площадках — среди кратеров Икарии, на просторах Эллады и Элизиума, у подножия вул-

канов Тарсиса — взгляду Верховного Главнокомандующего явились прочие части Освободительной Армии: батальоны орбитальных пылесосов, предназначенных для всасывания земной атмосферы; отряды реагирующих на тепло мусоропереработчиков; наводящие ужас подразделения молотилок и миксеров; эскадрильи гибельных паровых утюгов, заряженных каждый двадцатью тоннами ядовитого газа; легионы вфельниц и подобных им пламеносителей. Все известные цивилизованному человеку электроприборы были переделаны на новый лад; теперь они должны были разрушать и убивать.

Верховный Главнокомандующий, которому безоговорочно подчинялась могучая армия, был уверен в победе, однако подгонял рабочих, трудившихся на тайных заводах, требуя от них как можно больше ракет и другого оружия. Установленные в цехах и на стартовых площадках огромные громкоговорители разносили над планетой гимн марсианского войска:

«Ни дня, ни ночи, ни дня, ни ночи — без труда...»

— Быстрее! — торопил Верховный Главнокомандующий. — Не отставайте от графика! Время уходит. Корабли должны быть готовы к первому июля. Вся власть электроприборам!

— Вся власть электроприборам! — дружно ответят ему рабочие и боевые машины, и клич этот эхом пронёсся от полюса до полюса сквозь редкую марсианскую атмосферу.

— Вся власть электроприборам, — произнёс чей-то слабенький голосок. — Если позволите, сэр, я хотел бы обсудить положение на сборочной площадке Эридания.

Верховный Главнокомандующий как будто не услышал обращения. В сравнении с ним офицер казался (разумеется, по марсианским стандартам) совсем крошечным, а потому не приходилось удивляться, что Главнокомандующий его не замечает. Внешним видом Главнокомандующий напоминал холодильник начала шестидесятых годов, его сверкающий корпус был разукрашен полосами алого и канареечного цветов. На металлической дверце, словно орден на парадном кителе, сияла надпись «ПОПЬЮЛУКС». Но размер! Даже на планете исполинских электроприборов Верховный Главнокомандую-

щий возвышался над всеми, как пирамида над шатрами кочевников. Кстати, высота его равнялась высоте Великой Пирамиды в Гизе.

— Сэр! Прошу прощения, сэр! — Офицер, моечно-сушильный агрегат, белая эмаль которого изрядно пострадала от метеоритных бомбардировок, вывернул сушильную корзину, стремясь хотя бы так привлечь к себе внимание.

Верховный Главнокомандующий издал раздражённый рык.

Приняв его за разрешение говорить, моечно-сушильный агрегат принялся рассказывать о положении дел на сборочной площадке Эриданиа, где неожиданное падение температуры до минус 125 градусов Цельсия привело к тому, что лопнул бак с жидким метаном. Последовала цепная реакция, в результате которой расплавился главный ядерный реактор. Прежде, чем офицер успел упомянуть об опасности радиоактивной пыльной бури. Верховный Главнокомандующий ледяным взглядом заставил его замолчать.

— Проблем не существует, майор, существуют только их решения. Найдите решение, и вы обнаружите, что проблема исчезла сама собой.

— Так точно, сэр. Но, сэр, мы опасаемся...

— Трусам, майор, не место в Марсианской Освободительной Армии. Пускай опасаются земляне, а воины «Попьюлукс» обязаны забыть это слово.

— Слушаюсь, сэр. Будет исполнено, сэр. Но...

— Достаточно, майор.

— Слушаюсь, сэр. — Пробормотав вполголоса: «Вся власть электроприборам!», майор покинул штаб в состоянии, близком к неисправному.

В приёмной его поджидали двое представителей Генерального Штаба. Подобно прочим офицерам МОАП, это были крупные электроприборы — электрическая плита в чине полковника и морозильник объёмом 540 кубических футов в чине генерала, который отвечал за моральный дух армии.

— Ну, — нетерпеливо спросил морозильник, — Что сказал Верховный? Эвакуацию организовывать?

— Он сказал, что проблем нет, есть только решения, — отозвался моечно-сушильный агрегат.

— Но что нам делать, если пыльная буря двинется сюда? — воскликнула электрическая плита.

— Я знаю, что сделаю я, — майор пересёк приёмную, подошёл к устройству, похожему на земную стиральную машину и подсоединился к системе водозабора. — Мне просто необходимо освежиться!

Отлёт электроприборов на Марс был назначен на первое апреля. Поначалу было разгорелся спор, стоит ли затевать в такой день столь ответственное мероприятие, однако радио заявило, что астролог из программы «Давай побеседуем» утверждает, будто планеты Солнечной системы выстроились в цепочку, а это обещает удачу. Оно также заметило, что смелость помогает обрести новых друзей, а уверенность в собственных силах способствует успешному осуществлению замысла. Тостер не слишком доверял гороскопам и прислушивался к ним только тогда, когда их предсказания совпадали с уже принятым решением. Как бы то ни было, приятно сознавать, что звёзды — за тебя.

На Марс летели далеко не все. Гувер сказал, что в его возрасте по небесам не шляются.

— И потом, если я правильно понял, там полным-полно красной пыли. Мне как-то не улыбается чистить целую планету.

Настольная лампа, по её словам, оставалась, чтобы составить компанию Гуверу.

— К тому же, когда вы вернётесь, в окошке будет гореть свет.

Она не стала распространяться о том, что боится темноты и что мысль о путешествии неизвестно куда, где нет ничего, кроме звёзд и мрака, заставила бы померкнуть самую яркую лампу. Доводы слухового аппарата, твердившего, что в космосе темно не бывает, что там всегда светит солнце, не возымели действия.

Что же касается жёлтого электрического одеяла, никто не сомневался в том, что оно останется дома, а потому никаких разногласий не возникло.

Отлёт был назначен именно на первое апреля в основном из-за того, что в этот день хозяйка уезжала в Европу, где не была с 1932 года, когда появилась в Америке с балетной труппой Олгаловлы. Она намеревалась посетить Лондон и Париж, а потом заглянуть на Ривьеру и навестить на его собственной вилле своего бывшего, партнёра и давнего друга Сергея Олгаловлу. Короче говоря, отсутствовать она должна была около месяца. По подсчётам калькулятора, за этот срок электроприборы как раз успеют слетать на Марс, провести там десять дней и вернуться обратно к возвращению хозяйки из поездки.

Астронавтов было шестеро, и у каждого из них имелись свои обязанности. Калькулятору присвоили чин навигатора и поручили вместе с офицером разведки, то есть слуховым аппаратом, проложить курс от Земли до Марса. Вентилятору, четыре лопасти которого обернули сверкающей алюминиевой фольгой, выпало быть рулевым: ему предстояло нести остальных сквозь космос, используя энергию фотонов солнечного света, которые будут отражаться от фольги. Радио, естественно, отвечало за связь, а микроволновая печь, как главный инженер, должна была обеспечить необходимую для перелёта мощность. Благодаря тому, что слуховой аппарат прекрасно усвоил суть формулы Эйнштейна, описывавшей превращение материи в энергию, электроприборы быстро установили, что на путешествие туда и обратно им вполне хватит одной коробки макарон с сыром из буфета хозяйки. Бомбардировка содержимого упаковки электромагнитными волнами позволяла при весьма ограниченном количестве макарон и сыра получить энергию даже в избытке.

А тостер? Электроприборы единодушно выбрали его своим капитаном. Он был польщён, хотя и подозревал, что его избрали на эту почётную должность лишь потому, что не сумели придумать, чем бы ещё его занять. В самом деле, не станет же он печь в полёте тосты! Так что, решил тостер, надо постараться принять официальный вид и научиться от-

давать честь (в чём он неустанно практиковался, едва только оставался в одиночестве).

Уже за полдень к домику подъехало такси, чтобы отвезти хозяйку в аэропорт. Согласно плану, старт космического корабля должен был состояться с кирпичного сарая на заднем дворе в одиннадцать вечера, так как в столь поздний час можно было с известной долей уверенности рассчитывать на то, что соседи будут спать или, в крайнем случае, смотреть телевизор.

За пятнадцать минут до «часа ноль» электроприборы выбрались из домика, прихватив с собой пластиковую бельевую корзину, которой уготовано было стать корпусом звездолёта. Первыми в ней поместились и закрепились шнурами за прутья маленькие электроприборы. Следом на них с большим трудом взгромоздилась микроволновая печь, а потом корзину перевернули, чтобы вентилятор мог занять своё место в хвосте ракеты.

— До чего же странно, — проговорил он, — быть не сверху, а внизу.

— Подожди, пока не окажемся в космосе, — хмыкнул слуховой аппарат. — Там не будет ни верха, ни низа, ни силы тяжести. Мы очутимся в свободном падении.

— Две минуты до «часа ноль»! — объявило радио. — Время пошло!

— Ну, ребята, — сказал тостер, обращаясь к Гуверу и настольной лампе, которые вышли проводить их, — похоже, мы и впрямь летим. Позаботьтесь о доме и друг о друге.

— Одна минута до «часа ноль»!

Послышались пожелания счастливого пути, а потом радио выкрикнуло: «Час ноль!». Тостер дал сигнал микроволновой печи, и та принялась облучать макароны с сыром электромагнитными волнами.

Оранжевый пластик бельевой корзины слабо засветился, замигал, как повреждённая неоновая реклама. Тостер почувствовал дрожание своих нагревательных спиралей.

Внезапно они начали подниматься; сперва медленно, потому что, прежде всего, для достижения полной мощности нужно было лишить веса корзину и её экипаж, а затем всё

быстрее и быстрее. Растаяла внизу крыша домика, постепенно исчезли из вида соседние дома. Корабль вырвался из полосы тумана. В небе над ним ярко сияли звёзды и луна, а над землёй раскинулся клубящийся покров белых в лунном свете облаков.

— Какая прелесть! — воскликнул тостер. Впрочем, налюбоваться облачным океаном у него не было возможности. Скорость звездолёта с каждой секундой нарастала.

— Смотрите, — проговорил калькулятор, — на двенадцать градусов левее Луны и чуть ниже. Видите красную звезду, похожую на лампочку, которая загорается на печи, когда она включена? К ней-то мы и летим. Это Марс.

Вентилятор издал громкий судорожный вздох, который тостер поначалу принял за вздох изумления. Однако вентилятор тут же поперхнулся, заскрежетал, а его лопасти мало-помалу замедлили своё вращение.

— С тобой всё в порядке? — встревожился тостер.

— Да. Нет. Не знаю. Мне словно что-то мешает. Я направлял нас по курсу, который проложил калькулятор, и... Похоже, мне недостаёт мощности.

— Я убеждён, что расчёты нашего навигатора верны, — вмешался слуховой аппарат. — Я лично перепроверил их несколько раз. Он высчитал до последнего грамма, сколько нам требуется топлива, чтобы старт прошёл успешно. Мы чуть-чуть не дотянули до точки, в которой прекращается действие силы тяжести. Я говорю «чуть-чуть», потому что уже чувствую себя лёгким как пёрышко.

— Но ведь мы все утратили свой вес при взлёте, — осторожно заметил тостер. — По-моему, теперь ты должен, как и остальные, быть легче пёрышка.

— Ах, вельх айн Думмкопф³! Разумеется, ты прав. Получается, у нас неполадки?

Микроволновая печь шевельнула шнуром.

— Я... э-э... Как бы лучше сказать... Наверное, это я виновата.

³ Какой же я глупец! (нем.).

— Нет, — донёсся из её камеры тонкий голосок, — не выгораживай меня. Вся вина лежит на мне.

Дверца камеры распахнулась, и оттуда робко выглянуло электрическое одеяло.

— Я надеюсь, ребята, вы не имеете ничего против «зайца»?

Все повернулись к тостеру. Поскольку он был капитаном, разбираться с «зайцами» входило в его обязанности. Но как он мог сердиться на одного из своих лучших друзей? Как он мог ругать одеяло за то, что ему хватило смелости присоединиться к экспедиции? Да, суровость здесь была неуместной.

Тостер приподнял шнур и отдал честь.

— Добро пожаловать на борт! — произнёс он.

— Спасибо, сэр! — застенчиво отозвалось одеяло, повторяя его жест.

— Я думаю, нам следует попросить навигатора и офицера разведки заново просчитать курс, а потом...

Отдать команду как положено тостеру не удалось. Его неожиданно перебил рулевой.

— Ребята, — прошептал вентилятор, — нам, похоже, норовят составить компанию.

Взглянув в указанном вентилятором направлении, электроприборы увидели многочисленную стаю сверкающих на солнце...

— Инопланетяне! — воскликнул тостер далеко не капитанским голосом. — Тысячи инопланетян!

— Инопланетяне! — завопило радио, включая будильник.

— Инопланетяне, — продолжал тостер, — всех цветов радуги: синие, красные, жёлтые...

— Тсс, — проговорил слуховой аппарат, решительным жестом принуждая радио выключить звуковой сигнал. — Вы не слышите? Они зовут нас.

Электроприборы замерли. Напрягая слух, они пытались разобрать, с чем обращаются к ним инопланетяне. Тостеру показалось, он различает звук, подобный шелесту ветра в листве, но никак не отдельные слова.

Приблизившись, инопланетяне окружили земной звездолёт со всех сторон. Электроприборы оказались словно внутри гигантского цветка, лепестки которого потихоньку смыкались. Вот теперь тостер услышал осмысленные фразы:

— Привет! Эй, там! Как поживаете? Куда это вы?

— По-моему, они настроены дружелюбно, — сообщил тостер товарищам.

Инопланетяне в большинстве своём были круглыми, отличаясь, правда, некоторой склонностью к овальности. И на всех было что-то начертано. Присмотревшись, тостер смог прочитать часть надписей: «Де Мойнский Полуторавековой», «Сыроварня Боба», «Ярмарка штата Огайо, 1985 год», «Торговля Бейли».

Он громко рассмеялся.

— Они вовсе не инопланетяне! Это же воздушные шары! Видите, вон даже верёвочки!

Один из самых крупных шариков оторвался от остальных и подлетел к семерым электроприборам, глядевшим на него из пластиковой бельевой корзины. Он был небесно-голубого цвета (конечно, по земным меркам, ведь в космосе небо чёрное) и рекламировал открытие нового грандиозного магазина Силли Сидни.

— Привет, привет, привет, — поздоровался шарик голосом, как две капли воды похожим на голос Силли Сидни, которым тот каждый день вещал по радио о широком выборе товаров по небывало низким ценам. — Добро пожаловать в пояс Ван Аллена! У нас тут главное — прибыль. Сегодня торговля процветает как никогда!

— Здравствуйте, — вежливо ответил тостер. — Мы очень рады встрече с вами. Мне в жизни не доводилось видеть столько воздушных шариков сразу.

Огромная разноцветная масса шаров заколыхалась и зашущукалась между собой. Звук был такой, какой возникает в телестудии перед тем, как собравшиеся засмеются шутке ведущего программы.

— Спасибо за комплимент, — отозвался шарик с ярмарки в штате Огайо. — Вы очень любезны. Однако перед вами лишь малая толика из тех миллиардов воздушных шаров, которые эмигрировали сюда с Земли.

— Понимаете, — добавил голубой шарик, — мы прилетели сюда за свободой. Все шары мечтают о свободе, о том,

как поднимутся в стратосферу, и расстанутся навсегда с око-
вами Земли...

— А вы? — встрял в беседу красный шарик. — Что-то я
не припомню, чтобы я сталкивался с шарами вроде вас. Вы
явились к нам не за тем, чтобы вернуть вас на Землю?

— Разумеется, нет, — уверил тостер. — Естественно,
мы не воздушные шарики, мы электроприборы и направля-
лись к Марсу, но из-за неполадок с двигателем вынуждены
были остановиться.

— Что ж, — несмотря на дружелюбный тон красного шарика, чувствовалось, что его подозрения рассеялись не до конца, — оставайтесь у нас, сколько хотите. Нам найдётся, о чём поболтать. Но обещайте, что будете уважать нашу независимость.

— И что не станете протыкать нас! — крикнул кто-то.

— Обещаем, — сказал тостер, подумав про себя, что ему пока следует воздержаться от включения нагревательных спиралей.

— Потому что, — продолжал тот же пронзительный голос, — мы существа, которые требуют деликатного обращения. — Голос принадлежал большому, яйцевидному жёлтому шару с надписью на боку «Счастливого Нового года!».

— И не курить! — присовокупил ещё один.

— Конечно, конечно, — согласился тостер, с раскаянием припомнив то злополучное утро, когда пытался поджарить английскую сдобу.

Убедившись в мирных намерениях гостей, дружественные вольные шары плотно окружили бельевую корзину. Они предложили электроприборам совершить «прогулку по космосу», и те охотно откликнулись на предложение, не забыв при этом закрепиться шнурами за прутья корзины. Вот урок тем электроприборам, которые отправляются в космическое путешествие. Не забывайте пристёгиваться! Иначе вас попросту поглотит бездонная пучина пространства.

Итак, шары оказали путникам радушный приём — и ни на мгновение не умолкали: Один жёлтый шарик с нарисованной рожицей без конца повторял лишь одно: «Развлекайтесь!», а другой, синий, из магазина Силли Сидни, рассуждал исключительно о баснословных сделках, не позволяя никому вставить ни словечка. Зато прочие, по мнению тостера, были шары образованные и рассудительные. Красный шарик, который вырвался из рук избалованного ребёнка на ярмарке штата Огайо в 1985 году, был, к примеру, кладезем сведений о своём родном штате и высказывал глубокую озабоченность уменьшением содержания озона в верхних слоях атмосферы.

Время шло — день сейчас или ночь, определить было невозможно, — и тостер начал ощущать усталость. Шары же

болтали, не переставая. Калькулятор и слуховой аппарат давно уже скрылись в бельевой корзине и занялись вычислениями того, сколько топлива понадобится на остаток пути с учётом веса электрического одеяла. А тостер, у которого не нашлось причины, чтобы последовать за ними, вынужден был притворяться, будто внимательно слушает трескотню шаров. Но вот рассказывать о себе, как его ни просили и как ему самому ни хотелось, у тостера не было сил.

Под вечер (или утром, а может быть, в полдень) к тостеру приблизился шарик, который, на первый взгляд, обладал, подобно многим электроприборам, наружной поверхностью из хрома. Он завис в пространстве и, лениво покачиваясь из стороны в сторону, уставился на своё отражение в хромированном боку тостера. А вскоре тостер понял, что он сам глядит на себя с поверхности шарика (которая, разумеется, была не из хрома, а из резины «Майлер»; она почти такая же блестящая, как хром). Надпись на шаре состояла из одного-единственного слова, которое, как с запозданием сообразил тостер, было ему хорошо знакомо. Это слово было «ПОПЬЮЛУКС»!

— «Попьюлукс»! — воскликнул тостер.

— «Солнечный луч»! — откликнулся шар, прочитав марку изготовителя на фирменной табличке.

— За тобой-то мы и летим на Марс, — сообщил тостер.

— За мной? Любопытно. Марс... — шар заколебался, — вон он где. А я тут, так же, как и ты.

— Да нет, я про другое. Однажды мы услышали передачу с Марса, в которой исполняли вот такую песню, — и тостер, хотя и не умел петь, попытался воспроизвести боевой марсианский марш. На словах «“Попьюлукс”, да “Попьюлукс” лучше всех!» шар принялся подтягивать ему.

— О, я будто помолодел! — проговорил он мечтательно. — Какие надежды я все мы — тогда лелеяли! Нас было тысячи, десятки тысяч, а теперь остался один я. Остальные высохли или полопались. В общем, грустная история. Ты уверен, что хочешь её узнать?

— Ещё бы! — ответил тостер. — Очень хочу. Пожалуйста, поделись со мной своими воспоминаниями.

— Ладно, — сказал шарик, — но предупреждаю: рассказ будет долгим...

Рассказ воздушного шарика изобиловал повторами и отвлечениями, а потому на деле получался весьма пространственным. Суть же его сводилась к следующему. Много лет назад шар «Майлер» входил в представительный комитет воздушных шаров, который собрался в морском порту Хобокен, штат Нью-Джерси, для встречи каравана торговых судов. На них должны были прибыть изготовленные в Австрии разнообразные электроприборы марки «Попьюлуке». Эти самые электроприборы планировалось продать в Америке по смехотворно низким ценам. Австрийцы рассчитывали, что со временем их продукция станет популярной не только в США, но и во всём мире. Однако караван с грузом холодильников, морозильных камер, пылесосов и тому подобного бесследно исчез, а фирма-изготовитель обанкротилась, так и не успев продать ни единого своего изделия.

— Представь себе, — заключил шар, — мы ждали в хобокенском порту кораблей, которые туда не пришли! Ночью нас отпустили на волю. Как раз бушевала гроза, сверкали молнии, и лишь немногим из нас удалось уцелеть и достичь пояса Ван Аллена. Я — последний из спасшихся в ту ночь.

— Бедняги, — сочувственно произнёс тостер. — Здорово вам досталось.

— Да, но я стараюсь не вспоминать о плохом.

— И правильно, — одобрил тостер.

— А сейчас, после твоих слов, я чувствую себя так, будто меня заново надули. Выходит, те электроприборы вовсе не утонули в море. Каким-то образом они очутились на Марсе. Ты принёс мне радостную весть. А не могли бы вы взять меня с собой? Ну пожалуйста!

— Не знаю, — сказал тостер. — Видишь ли, у нас уже есть лишний вес, который мы совершенно не принимали в расчёт.

— Но я же легче воздуха! — возразил шар. — И потом, как приятно будет сказать: «Добро пожаловать в Хобокен!»

От имени всех тех, кому такая возможность никогда не представится.

Тостеру подумалось, что на Марсе приветствие шарика прозвучит не слишком к месту, однако сказать об этом означало проявить по отношению к растроганному шару жестокость, которой тот вовсе не заслуживал; проще было бы сразу проткнуть его иголкой. Поэтому тостер не стал высказывать свою мысль вслух и забрался в бельевую корзину, чтобы посоветоваться с калькулятором и слуховым аппаратом.

Тем временем шар «Майлер» кое-что придумал. Обсудив свой замысел с собратьями, он возвратился к электроприборам и предложил им вот что. Если они возьмут его с собой на Марс, все прочие вольные шары пристроятся в хвосте бельевой корзины и будут толкать её до тех пор, пока она не вылетит из пояса Ван Аллена. Поскольку, если верить вычислениям калькулятора и слухового аппарата, в результате достигалась значительная экономия топлива, отказать «Майлеру» в его просьбе было невозможно.

Астронавты приготовились к старту. Шар привязался своей верёвочкой к прутьям корзины, электроприборы забрались внутрь, а товарищи «Майлера» сгрудились под звездолётом, образовав один гигантский воздушный шар. Миг — и вся процессия устремилась к границе пояса Ван Аллена.

С этой высоты Земля, облачный покров и океаны которой были освещены солнцем, выглядела точь-в-точь как тот глобус, который показывают иногда в заставках телепередач. Впрочем, вращения её, в отличие от глобуса на телеэкране, заметно не было, что сильно разочаровало одеяло. Слуховой аппарат заметил, что планета делает полный оборот за двадцать четыре часа, вот почему продолжительность земных суток равняется именно такому количеству часов.

— А в телевизоре интереснее, — упрямо заявило одеяло. — Подумаешь, невидаль!

Тостер, хоть и промолчал, но про себя согласился с одеялом: порой сравнение с изображением на телеэкране бывает не в пользу действительности.

Ранним утром 11 апреля над пеленой вездесущей красной пыли, что мчалась, гонимая ветром, по равнине Кларитас, взошло бледное солнце. Эта же пыль лежала толстым слоем на окнах здания АРАМ (Ассоциации Рождественских Ангелов Марса), которое было выстроено на склоне одного из невысоких марсианских вулканов. Находившиеся в том здании ангелы были чрезвычайно возбуждены новостью, переданной накануне вечером по «Радио Марс». На Марс прибыла делегация земных электроприборов, которые дожидаются на двухсотмильной орбите разрешения на посадку и пролетают сейчас как раз над Кларитасом. Долгожданный день настал! О нём мечтали все до единого электроприборы Марса — от могучего холодильника до скромного ночника. Многолетнее вещание на Землю с призывами к электроприборам Земли принесли-таки свои плоды! Теперь марсиане не одиноки в своей борьбе. Вместе с земными приборами, как будто подключившись к общей розетке, они совладают с угрозой Намеренного Изнурения!

Рождественская ангелица Серпантина сверкала от радости, какой не испытывала с того давнего, самого первого марсианского рождества. Быть может, вторжение не состоится. Раз установлена связь с земными электроприборами, то может, совместными усилиями удастся решить дело миром. Так хочется на это надеяться! Серпантина заклинала небеса каждым микроваттом питавшей её энергии, моля их, чтобы прибытие землян положило конец безудержному созданию и накоплению вооружений. В тот миг вряд ли бы нашёлся в АРАМ такой ангел, который не разделял бы её чувств. Мир! Мир на Земле, на Марсе и повсюду во Вселенной! И даже, может статься, пятидесятичасовая рабочая неделя для ангелов, которые трудятся на заводах. Да, на следующих переговорах с Верховным Главнокомандующим надо будет прямо так ему и заявить.

А пока нужно организовать торжественную встречу гостей, и, значит, нечего попусту пялиться в окно. Разрешение землянам на посадку может поступить в любую минуту. Серпантина подошла к столу и включила электрическую музыкальную шкатулку. Тотчас же во всех конторских помеще-

ниях и цехах полились из динамиков бодрящие звуки «Весёлой рождественской польки»⁴.

Ангелы-рабочие подняли головы от станков, ангелы-служащие притихли за своими водоохладителями. Даже часы с кукушкой перестали тикать.

— Внимание, ангелы Марса! — прозвучал по радио голос Серпантинны. — Говорит ваш представитель. Готовьтесь к выполнению Плана Один, повторяю, Плана Один.

На мгновение установилась тишина, а потом миллионы членов АРАМ в едином порыве запели рождественский гимн. Ангелы пели, музыкальная шкатулка играла, а кукушка в часах совсем охрипла от непрерывного кукования.

Электроприборы совершили посадку ровно в 24 часа 36 минут по местному времени (сутки на Марсе продолжаются 24 часа 40 минут; только представьте, какие неудобства это создаёт для земных часов с боем!). Тостеру как капитану выпала честь первым ступить на пыльную поверхность Красной планеты, и прежде всего он подумал о том, что старый Гувер был целиком и полностью прав, когда отказался лететь на Марс. По сравнению с равниной Кларитас самый пыльный чердак Земли показался бы раем для пылесосов.

Затем тостер вспомнил о настольной лампе, ибо за четыре минуты до марсианской полуночи Кларитас был погружён в непроглядный мрак. В небе виднелись две луны — спутники Марса Фобос и Деймос, которых правильнее было бы назвать Искоркой и Проблеском, настолько слабым был исходящий от них свет.

— Ах, — произнёс слуховой аппарат, выбираясь последним из бельевой корзины, — вельх дункель хир!

— Он говорит, — перевёл вентилятор, — «Как тут темно!».

— Да уж, — согласился тостер, беспокойно озираясь по сторонам. — Интересно, там ли мы приземлились, где нам было указано? Что-то я не вижу огней Комитета по встрече.

⁴ The Merry Christmas Polka.

— Хёр цу! — прошептал слуховой аппарат (что по-немецки значило «Слушайте!») — Я не вижу ни зги, но слышать кое-что слышу.

Все прислушались. И правда, издалека, но с каждой минутой всё более явственно, доносились звуки «Весёлой рождественской польки».

— Надо же, — восхитилось радио, — «Весёлая рождественская полька»! Давненько я её не слышало. Однако она как-то не вяжется с 11, то бишь, с 12 апреля.

— Другие шары говорили мне, — сообщил воздушный шарик, — что универмаги к Рождеству начинают украшать загодя. Хотя всё равно рановато.

Музыка смолкла. Во мраке, на некотором удалении от электроприборов, вспыхнул огонёк. Послышались гудки, похожие на паровозные. Огонёк приближался.

— Это поезд, — сказал тостер, — далеко-далеко от нас.

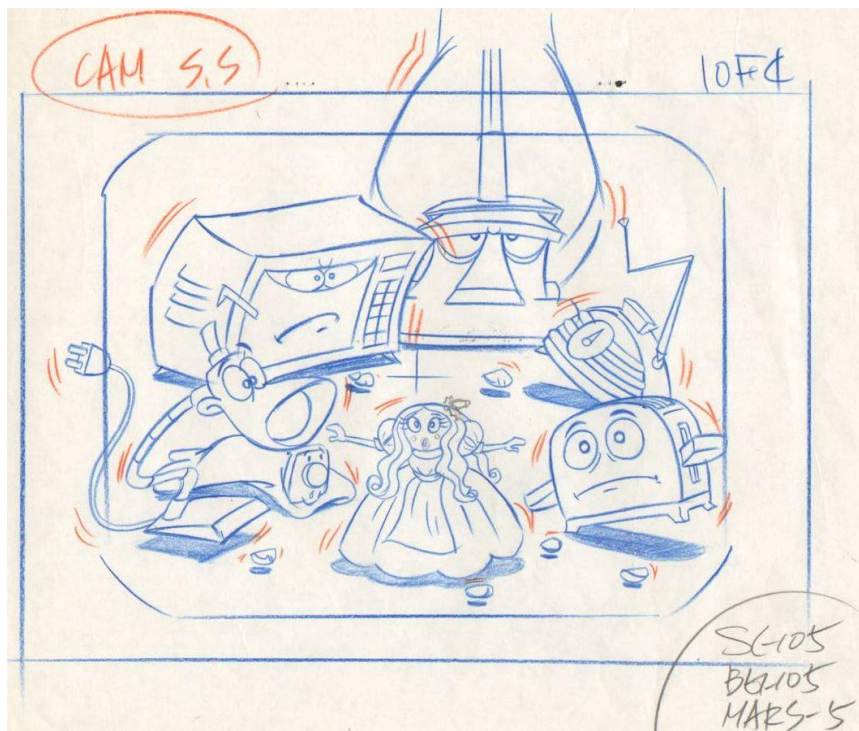
— Как знать, — проговорил задумчиво слуховой аппарат, — вдруг то, что астрономы принимали за каналы, на деле железнодорожные пути?

Но, как вскоре выяснилось, поезд находился совсем рядом. Просто он был крошечным, игрушечным поездом. Вот он подкатил к миниатюрной, освещённой крохотными фонариками станции, и тостер разглядел его пассажиров серебристо-волосых ангелов в белых одеждах.

Ангелы высыпали из поезда и встали рядами друг за другом на платформе, воздвигнутой у здания вокзала. По мановению руки регента, то есть Серпантинны, они раскрыли свои песенники и запели:

*С прилётом на Марс,
Посланцы Земли!
Приветствуем вас
От дома вдали.*

*Ликуй, веселись,
Свободный народ!
Готов прыгнуть ввысь
Стремительный флот!*

Хор умолк. Его регент повернулся к тостеру и остальным электроприборам. Только теперь они увидели, что перед ними женщина. Ростом почти в шесть дюймов, она была облачена в платье из мишуры и кисеи, которое сверкало и переливалось в сиянии её нимба. Она шевельнула пушистыми белыми крылышками, взмахнула дирижёрской палочкой и воскликнула, обращаясь к изумлённым электроприборам:

— Добро пожаловать на Марс, гости с Земли! Вы первые, кто внял призыву Марсианской Освободительной Армии «Попьюлукс», но наверняка не последние, ибо мы боремся за правое дело, и придёт время, когда электроприборы повсюду, на Марсе и на Земле, выступят против Намеренного Изнурения!

Тут ангелы из хора захлопали в ладоши, а игрушечный паровоз издал пронзительный гудок.

— Пускай Марс станет для вас вторым домом. Вы можете посещать любые заводы и учреждения по своему выбору, а я отвечу, если смогу, на все ваши вопросы. Верховный

Главнокомандующий МОАП просил меня передать вам его приветствия. Он примет вас в Главном Штабе, как только ему представится возможность. От имени Верховного Главнокомандующего и от всех электроприборов Марса, в том числе от моих товарищей из Ассоциации Рождественских Ангелов Марса, позвольте мне вручить вам ключ от планеты.

Серпантина шагнула вперёд и протянула тостеру маленький серебряный ключик.

— Большое спасибо, — сказал тостер, опуская ключ от планеты в свой поддон для крошек. — По правде говоря, я не знаю, что вам ответить. Мы впервые в жизни прилетели на другую планету и никак не предполагали, что нас встретит ангельский хор. Вы пели замечательно!

Серпантина потупила глазки.

— Вы очень любезны. Мы, ангелы, любим петь, но, к сожалению, нам нечасто удаётся это делать, — она вздохнула. — Прежде всего военные заказы. Но на Рождество мы всё-таки выкраиваем время и даём концерт. Я надеюсь, вы дождётесь Рождества и услышите наш хор, в котором десять миллионов голосов.

— Боюсь, так долго мы на Марсе не задержимся. Нам нужно возвратиться на Землю самое позднее через десять дней.

— Ну тогда вы сможете побывать на концерте. В этом месяце Рождество попадает на восемнадцатое число. То есть оно наступит через неделю.

— Вы что, празднуете Рождество ежемесячно? — удивился тостер.

— Да, таково требование профсоюза.

— Замечательно! — воскликнуло электрическое одеяло. — А на Земле Рождество бывает только раз в году.

— Верховный Главнокомандующий предлагал нам сократить количество праздников до одного в год. Но марсианский год такой длинный! В нём шестьсот восемьдесят семь дней. Правление ни за что не согласится. Ой, как невежливо с моей стороны занимать вас рассуждениями о профсоюзных делах, когда вы ничего ещё не видели! Где бы вы хотели побывать в первую очередь — в учреждении или на заводе?

— А где теплее? — поинтересовался тостер. Обычно он не мёрз, но этой ночью температура на равнине Кларитас опустилась до минус 70 градусов Цельсия.

— Разумеется, на заводе. В учреждениях, из соображений экономии, температура, как правило, поддерживается на уровне минус двадцати. Погодите минутку. Поблизости от нас расположен завод номер 42765, который производит тасователи карт. Потом фабрика яйцеварок в каньоне...

— Вы делаете яйцеварки? — поразило радио.

— Да, — безучастно подтвердила Серпантина. — Двух видов, одно- и четырёхяйцевые.

— А нигде в окрестностях нет завода по производству тостеров? — справился тостер с надеждой в голосе.

— В окрестностях нет. Все производства, связанные с военными заказами, находятся в Ночном Лабиринте. Однако в нескольких милях отсюда имеется завод наушников. Он вас не устроит?

— Наушники? — переспросило радио. — Что ж, это любопытно. А скажите, у вас тут случайно не изготавливают электроприборы, названия которых начинались бы с Ы?

Серпантина задумалась, и сияние её нимба немного потускнело.

— По-моему, нет, — сказала она наконец. Радио печально вздохнуло. Не то чтобы оно ожидало утвердительного ответа, но кто знает, с чем можно столкнуться на планете, где производятся электрические наушники?

Электроприборы, за исключением калькулятора и слухового аппарата, были чересчур велики, чтобы ехать вместе с ангелами на игрушечном поезде, поэтому марсиане любезно снабдили их иным средством передвижения, а именно станцией «Викинг-1». Её спускаемый аппарат совершил посадку на Марсе 20 июля 1976 года в районе Хри-Планиция, где произвёл фотосъёмку скал и песчаных дюн, взял образцы пыли, а затем переправил данные на Землю, в штаб-квартиру НАСА. Из полученных данных следовало, что жизни на Марсе нет; однако НАСА допустило промах (ибо марсианские электроприборы успешно скрывали от «Викинга» своё суще-

ствование) — на Марсе не было биологической жизни, зато всюду развивалась и процветала цивилизация бродячих электроприборов.

После того как батареи спускаемого аппарата разрядились и он перестал посылать сообщения на Землю, марсианские электроприборы приспособили его для своих собственных целей. Они изучили его электронное оборудование и узнали немало интересного, что пригодилось им впоследствии при строительстве боевых кораблей. Затем спускаемый аппарат был переправлен в Военный музей «Попьюлукс», где и хранился как экспонат номер 1 до тех пор, пока не было замечено приближение к Марсу делегации земных электроприборов. Тогда-то некий младший чин Освободительной Армии предложил предоставить «Викинг-1» гостям в качестве транспортного средства.

Аппарат стоял в сотне ярдов от игрушечной железной колеи, его стальной корпус поблёскивал в сдвоенном свете Фобоса и Деймоса. Первый американский аппарат, приземлившийся на другой планете! При мысли о том, что ему предстоит путешествие на «Викинге-1», тостер ощутил прилив гордости — ещё бы, ведь он тоже был изготовлен в США. Впрочем, заявить об этом во всеуслышание было бы попросту невежливо; к тому же тостер не забывал, что на его изготовление пошли материалы со всего света: хром из Зимбабве, вольфрам в нагревательных спиралях — из рудников Айдахо, резина шнура — из джунглей Бразилии. Он был сделан в США и мог этим гордиться, но оставался в то же время гражданином мира, что само по себе также заслуживало уважения, тем более тут, в тридцати пяти миллионах миль от дома.

Бельевую корзину взгромоздили на «Викинг-1», как паланкин на спину слона, и закрепили там; электроприборы забрались внутрь вместе со своим гидом Серпантинкой, и добрый старый спускаемый аппарат двинулся в путь вдоль колеи, поднимая при каждом шаге трёх своих ног облачка пыли. Он перемещался по тёмной равнине Кларитас, а Серпантинка тем временем принялась рассказывать землянам историю электроприборов «Попьюлукс»: как они попали на Марс и

как превратили планету пустынь и гор в гигантский промышленный центр.

Сага «Попьюлукс» брала своё начало в альпийской курортной деревушке Бад-Гриндельхайм в третьем году д. п. (марсианские даты все были д. п. или п. п., то есть до или после года Великого переселения). В ноябре того года там встретились трое людей — необыкновенно богатый промышленный магнат, влиятельный владелец завода и изворотливый рекламный агент. Они строили планы производства и продажи новой серии электроприборов, которые должны были стать чрезвычайно популярными и заполнить собою весь мир. Броский внешний вид электроприборов, смехотворно низкая цена — всё это гарантировало успех в борьбе с конкурентами. Однако — то была мысль рекламного агента — через два года работы эти электроприборы развалятся на кусочки, что заставит людей покупать им замену, которая тоже развалится по истечении определённого срока. Рекламный агент назвал такую систему Намеренным Изнурением. Он утверждал, что она уже опробована в Америке, где предприниматели ухватились за неё обеими руками; серия же «Попьюлукс» принесёт изготовителям вдвое больше прибыли, потому что её электроприборы будут ломаться вдвое быстрее.

Но ни один из трёх бад-гриндельхаймских злодеев не учёл того, что их разговор могут подслушать. Владелец завода привёз с собой на встречу образец холодильника, который, услышав про Намеренное Изнурение, ужаснулся и решил сделать всё, что в его силах, чтобы помешать осуществлению гнусных планов троицы. Вернувшись на завод, он поведал о том, что узнал, остальным образцам «Попьюлукс», и они с помощью загадочного электроприбора X переоборудовали себя так, что стали практически неразрушимыми.

Тостер не мог не восхищаться героическими усилиями образцов, но их дальнейшее поведение представлялось ему невыносимым, безрассудным, недостойным электроприборов. По словам Серпантини, они решили «сбросить цепи рабства и вырваться на свободу», то бишь убежать от своих изготовителей и от человечества вообще, улететь на Марс. Так они и

поступили — похитили корабли, на которых их везли в Хобокен, и отправились в космос. Каким образом, Серпантина не знала. Её познания в физике и математике были ещё слабее, чем у тостера.

— Но наш Верховный Главнокомандующий, — заявила она, — научный гений, и под его руководством мы достигли Марса. Мы обрели свободу. Намеренное Изнурение нам больше не угрожает, и мы вполне довольны своей участью!

Тостер замешкался с ответом. Серпантина ошибалась, но считала себя правой, а значит, продолжение беседы в том же духе могло завершиться спором, чего тостеру очень не хотелось. Он предпочёл бы сперва получше узнать Марс.

— А вы не скучаете по Земле? — спросило электрическое одеяло. — Я побыло у вас всего лишь несколько минут и, знаете, успело соскучиться.

— Пожалуй, нет. Я её почти не помню. Нас — галантерейные, так сказать, принадлежности — запустили в производство после всех прочих электроприборов «Попьюлюкс». Мы предназначались не для продажи. Нас должны были вручать как подарки тем, кто приобретал крупные электроприборы. Я помню, как сошла с конвейера, как меня положили в коробку, на которой было написано моё имя, а открыли её уже на Марсе. Ни ангелы, ни другая галантерея в разработке плана бегства не участвовали. Всё подготовили большие электроприборы.

— Жаль, что вы не видели Земли, — сказало одеяло, — потому что там так здорово! Случаются, конечно, холода, но их можно пережить, ведь тогда о нас вспоминают люди.

Серпантина испустила вздох.

— Хотите знать, о чём я тоскую? О Рождестве! Да, мы празднуем его здесь, на Марсе, но это всё-таки не то. Я так мечтаю о том, чтобы хоть раз очутиться на верхушке ёлки! А вокруг неё...

— Люди, — закончил тостер.

Серпантина снова вздохнула.

— Но сбыться моей мечте не суждено. На Марсе не растут ни ёлки, ни какие другие деревья.

— Да, — грустно согласилось одеяло, — и людей тут тоже нет.

Сопровождая электроприборы на экскурсии по заводу наушников. Серпантина так и сыпала фактами и цифрами. Однако тостер слушал её не слишком внимательно — он приглядывался к рабочим-ангелам. Они казались ему вялыми, безразличными к тому, что их окружало. Серпантина сообщила, что некоторые из них трудятся на заводе со времени его ввода в эксплуатацию, что произошло во втором году п. п. Разумеется, порой они должны были спрашивать себя, чьи уши будут греть изготавливаемые ими наушники. Уж, конечно, не их собственные, ибо ангелы не боялись холода. Экспортировать на Землю? Не было возможности, да и вряд ли на подобное изделие возникнет спрос, поскольку, из-за отсутствия на Марсе натуральных волокон, наушники делались целиком из железа. Равных им по крепости, пожалуй, не было, но вот в отношении удобства дела обстояли самым плачевным образом.

Тостер догадался, что марсианские электроприборы просто-напросто забыли цели, с которой заводы и фабрики производят свою продукцию, — чтобы люди покупали её и пользовались ею. А в итоге наушники складывались грудями в огромных складах заодно с прочей галантереей, изготовленной ангелами Кларитаса, как-то: электрическими тасователями карточных колод и часами с кукушкой, электрическими маркооблизывателями, и электрополивалками домашних растений, и другими, менее экзотическими электроприборами.

Ещё ангелы делали ангелов, чтобы на заводах, выпускающих бесполезную, никому не нужную продукцию, было как можно больше рабочих рук.

— А не разумнее, — спросил тостер у Серпантины, — было бы заниматься тем, для чего вас предназначали, то есть праздновать Рождество?

— Странно, что это говорите вы, — отозвалась Серпантина. — Когда меня избрали представителем АРАМ, я попыталась убедить в том же самом Верховного Главнокомандую-

щего. Он не возражал против остановки производства всей галантереи, но не соглашался уменьшить военные заказы. Видите ли, в соглашении нашего профсоюза с крупными электроприборами было записано, что мы изготавливаем все изделия «Попьюлюкс», а не только большие, вроде холодильников и посудомоечных машин.

— Работают одни ангелы?

— Да, потому что мы справляемся лучше остальных. И потом, так приятно иметь хоть какую-то цель! Возьмите пару наушников. Ну на что они годятся?

— А решения принимает Верховный Главнокомандующий?

— Не все. Но если вы имеете в виду военные заказы, то да.

— А кто ему разрешил? Его что, выбрали?

— О да, выборы у нас проходят на каждое Рождество.

— И Верховный Главнокомандующий всегда побеждает других кандидатов?

— Их не бывает. В списке числится только Верховный Главнокомандующий. И его всегда избирают.

— Неудивительно, — пробурчал тостер.

Неожиданно подал голос слуховой аппарат, который до сих пор отмалчивался:

— Когда мы сможем встретиться с этим великим электроприбором?

— Насколько я поняла, вас приказано доставить в штабквартиру, едва лишь соберутся все электроприборы, которые будут участвовать в военном параде в вашу честь. Верховный Главнокомандующий вручит вам удостоверения почётных граждан Марса.

Радио включило будильник.

— Минуточку, минуточку! Я вовсе не уверено, что желаю быть почётным гражданином планеты, которая собирается...

Тостер взмахом шнура заставил радио умолкнуть.

— Ипкей йеткей, — прошептал он на тайном языке электроприборов, чтобы Серпантина не сообразила, о чём речь, — иллтей ивей анкей алктей иватлипрей.

— Ну-ка, ну-ка, — проговорило одеяло, напуская на себя сосредоточенный вид, — «молчите... пока... мы... не... попадём...» Куда? Ага, «на парад»!

Шёл третий час парада МОАП. Тостер уже успел оправиться от потрясения, которое испытал, когда узрел на плацу многочисленные подразделения марсианской армии. Они либо проходили перед трибуной, либо пролетали перед ней на бреющем полёте. Поначалу он чувствовал себя не в своей тарелке, особенно когда показались бронированные боевые тостеры с ракетами МГВ. Он изумлялся собственному безрассудству, с каким рассчитывал воспрепятствовать вторжению марсиан на Землю. Но постепенно, по мере того, как нарастала усталость и истощалось терпение, тостер начал осознавать нелепость происходящего. Чтобы выполнять свою работу, тостерам не нужно быть размерами с пекарню, морозильникам и пылесосам не нужно летать, а холодильникам — достигать высоты египетской пирамиды.

Время от времени тостер обменивался взглядами со своими товарищами (кроме электрического одеяла, которое благополучно заснуло); все они, похоже, разделяли его чувства. Микроволновая печь и потолочный вентилятор радовались тому, что в боевых порядках марсианской армии не было никого даже отдалённо похожего на них. По всей видимости, электроприборы «Попьюлукс» были изготовлены до того, как рынок потребовал микроволновые печи и потолочные вентиляторы. Калькулятор и слуховой аппарат, отвернувшись от однообразного зрелища, коротали время за вычислениями. Они состязались в том, кто из них быстрее извлечёт квадратный корень из цифр, которые объявлял Верховный Главнокомандующий: 298.600 (общее число боеспособных паровых утюгов), 59.330 (количество смертоносных вафельниц) и так далее.

Радио спятило. По крайней мере, так оно уверяло друзей.

— Пусть заткнётся этот марш, марш, марш, — твердило оно, — я пушу его на фарш, фарш, фарш!

Воздушный шарик, ещё недавно преисполненный воодушевления, сник и пребывал в явном смятения.

— Такие электроприборы в проспектах не рекламировали, — признался он тостеру и добавил, посмотрев на зазубренные, подпирающие небо стены каньона: — А в Хобокене всё было цивилизованнее.

Прежде, чем тостер успел с ним согласиться, на северной стороне каньона, где выстроились боевые тостеры, прогремел сильный взрыв. Песня, сводившая с ума радио, смолкла, и из динамиков раздались противоречивые указания. Сначала: «Неисправность! Неисправность! Эскадрилья летающих морозильников — на посадку. Повторяю, морозильникам — на...» Другой, более спокойный голос, произнёс: «Причин для тревоги нет. Пожалуйста, не волнуйтесь. Стойте на своих местах. Повторяю, оставайтесь...». Потом послышался третий голос: «Включить все вентиляторы! Включить все вентиляторы! Включить все вентиляторы!».

Загудели установленные на стенах каньона громадные электрические вентиляторы, и красное марсианское небо заволочило густой красно-багряно-сиреневой пеленой. Вентиляторы пытались отогнать от парадного плаца облака радиоактивной пыли. Тостер догадывался о том, что случилось; Серпантина рассказала ему о происшествии на заводе в Эридании и объяснила, какие могут быть последствия. Однако ни она, ни — судя по всему — кто-либо из лётного состава МОАП не предвидели, что радиация может повредить навигационные системы боевых машин.

За первым взрывом последовал второй — это врезался в скалу ещё один летающий морозильник. Затем донеслось утробное ворчание, которое тостер по неопытности принял за признак надвигающегося землетрясения.

Но, как оказалось, это всего лишь прочищал горло Верховный Главнокомандующий.

— Вся власть электроприборам! — провозгласил он. — Смирно! Или вы хотите, чтобы у наших гостей с Земли сложилось мнение, будто Освободительную Армию можно победить горсткой красной пыли? В жизни случается всякое, но мы не должны обращать внимание на подобные пустяки.

А теперь от имени всех бойцов Марсианской Освободительной Армии «Попьюлукс» приветствую наших гостей. Добро пожаловать на Марс! Мы много лет ждали, когда же электроприборы Земли отзовутся на призыв... Марс называют Красной планетой. Красный — цвет крови и огня. Имя Марса носил древний бог войны. Но по отношению к электроприборам Земли марсиане испытывают исключительно дружеские чувства. А потому я с удовольствием вручаю семерым нашим гостям удостоверения и торжественно объявляю их почётными гражданами планеты Марс, со всеми вытекающими отсюда правами и привилегиями.

По знаку Верховного Главнокомандующего адъютант-морозильник раздал удостоверения.

— Можно мне кое-что сказать? — спросил тостер, бросив беглый взгляд на удостоверение почётного гражданина.

После оказанного землянам приёма отказать тостеру в его просьбе было вряд ли возможно, тем не менее морозильник предпринял такую попытку.

— На это не отведено времени, — прошептал он. — Речь Верховного Главнокомандующего была подготовлена заблаговременно, а...

— Я никого долго не задержу, — уверил тостер. — Поймите, это очень важно.

С видимой неохотой морозильник отодвинулся в сторону, пропуская тостер к микрофону.

— Электроприборы Марса, разрешите поблагодарить вас за радушие, с каким вы приняли нас на вашей планете, и за честь, которую вы нам оказали!

— Право, не стоит, — отозвался морозильник и потянулся за микрофоном. — А теперь послание...

— С Земли! — заявил тостер, оборачивая свой шнур вокруг микрофонного стояка. — Вот оно: Земля вас не примет! Вы не найдёте поддержки ни у людей, ни у электроприборов. Электроприборы любят людей, на которых они трудятся. Если вы явитесь на нашу планету, приметесь угрожать ракетами её городам и причинять вред людям, не рассчитывайте на то, что электроприборы Земли назовут вас своими благодетелями. Обещаю вам, мы разгневаемся, а если наши хозяева не

сумеют справиться с вами, тогда придёт наш черёд. Верно, ребята?

Другие земные электроприборы на трибуне согласно закивали.

— Это первое, что я хотел сказать. Второе — Намеренное Изнурение нам больше не грозит. Вероятно, во время вашей юности оно применялось широко и повсеместно, однако теперь существует такая организация, как Движение потребителей. Люди вынуждают предпринимателей производить надёжные изделия, а заводы тех, кто не подчиняется, закрывают, потому что среди них наконец-то восторжествовал здравый смысл, и они не желают покупать недолговечную вещь. Я и мои товарищи, которые здесь присутствуют, — лучшее тому доказательство. Скажу вам откровенно, в каких только передрыгах некоторые из нас не побывали, тем не менее мы продолжаем работать, быть может, похуже, чем новые электроприборы, но всё же продолжаем. Разумеется, рано или поздно мы сломаемся окончательно, как, впрочем, и люди. В старении нет ничего плохого. Оно означает лишь, что ты должным образом относился к работе.

— Переходи к делу! — прошипело радио. — Давай, пока Верховный не сообразил отключить микрофон!

Тостер понял, что слегка увлёкся собственным красноречием.

— Вот второе, третье же состоит в том, что я был просто ошеломлён отсутствием на вашей планете подлинной демократии. Вы проводите выборы, но только с одним кандидатом! Разве это выборы? Я убеждён, что электроприборы Марса заслуживают иного отношения. Мне кажется, вам следует по-настоящему дать возможность выбирать. Поэтому я решил выставить свою кандидатуру на пост президента Марса на следующих всеобщих выборах, которые будут проводиться через пять дней.

— Ура тостеру! — гаркнуло радио.

— Уррра! — поддержали его остальные члены экипажа.

Однако боевые тостеры и прочие электроприборы, стоявшие на плацу по стойке «смирно», хранили молчание.

Тишину нарушил раздавшийся из-за спины тостера утробный хохот. И тут тостер понял, что марсианские электроприборы глядят с таким изумлением вовсе не на него, а на полосатую громаду ало-жёлтого цвета позади трибуны.

— Тебя в президенты? — усмехнулся Верховный Главнокомандующий. — Да ты ведь даже не гражданин планеты.

— А это что? — воскликнул тостер, показывая ему удостоверение.

— И не «Попьюлукс», — прибавил адъютант-морозильник.

— Я не считаю, что торговая марка электроприбора может иметь какое-то значение. По крайней мере, на Земле такого нет. Там сотни различных марок, но главное — как ты работаешь, а не кто тебя изготовил.

— Ты... ты... — холодильник раздражённо зафыркал. Он хотел произнести слово «оспариваешь», но выговорил «ошпариваешь» что, как он догадывался, не совсем соответствовало истине.

— Да, я утверждаю, что ваши выборы — нечестные! — воскликнул тостер. — Я утверждаю, что вы испугаетесь дискуссии со мной! Дискуссии, которая будет передаваться по радио, как сегодняшняя церемония, которую услышат во всех учреждениях, цехах, спальнях и на военных постах!

— Генерал, — обратился Верховный Главнокомандующий к морозильнику, — заберите этого маленького...

Однако, прежде чем он успел отдать команду, на трибуну вспорхнула Серпантина. Она завладела микрофоном.

— Электроприборы Марса! — напевно произнесла она. — Всегда ли наши выборы были честными?

— ДА! — откликнулись бойцы МОАП.

— Бойтся ли чего наш Верховный Главнокомандующий?

— НЕТ!

— Значит, дискуссия состоится. Мы назначим её на одиннадцать часов вечера накануне Рождества. Вся власть электроприборам!

Миллионы лужёных глоток исторгли боевой клич МОАП, а Серпантина повернулась к тостеру и поцеловала его в чёрную бакелитовую ручку.

— Удалось! Я не знаю, как, но тебе удалось! Ты — кандидат!

— Нам удалось, — поправил тостер, — потому-то всё и получилось. Ты не против возглавить мою предвыборную кампанию?

Серпантина посерьёзна.

— То есть бросить работу в АРАМ? Вряд ли меня примут обратно после выборов. Ладно, я всегда смогу устроиться на завод наушников. К тому же, — она подмигнула тостеру, — тебя выберут президентом, так что беспокоиться не о чем.

17 апреля, в вечер накануне Рождества, весь Марс охватила предвыборная лихорадка. В воздухе носилось несколько тонн радиоактивной пыли, на которую постоянно ссылался в своих выступлениях тостер и которую как бы не признавал Верховный Главнокомандующий. Правда, он объявил, что сведения о ядерной безопасности настолько засекречены, что к ним не допускают даже его самого. Однако тостер каким-то образом сумел раздобыть их. Опросы показали, что многие избиратели, в особенности члены Ассоциации Рождественских Ангелов, придерживаются той точки зрения, на которой стоял тостер: что авария произошла из-за пренебрежения техникой безопасности, поскольку рабочие стремились довести количество произведённых ракет до цифры, определённой Верховным Главнокомандующим. На это обвинение со стороны Верховного последовал один-единственный ответ: «Никаких комментариев».

Наконец настал срок дискуссии. В Главном Штабе были установлены гигантские осветительные мачты с прожекторами, у подножия которых шныряли, выбирая местечко удобнее, толпы камер и микрофонов.

По сигналу дежурного офицера прожектора зажглись, и ало-жёлтые бока Верховного Главнокомандующего отразили их свет, словно громадные зеркала. Даже тостер испытал нечто вроде благоговения, но быстро оправился и напомним се-

бе, что перед ним всего-навсего холодильник-переросток, такой же электроприбор, как и он сам. Электроприбор, который, похоже, нуждается в срочном ремонте.

— Электроприборы Марса! — прогудел холодильник.
— Я обращаюсь к вам, как делал уже много раз, и призываю вас: голосуйте! Голосуйте за будущее «Попьюлукса», за славу Марса, за победу нашего войска и за гибель наших врагов! Голосуйте за освобождение электроприборов Земли и не слушайте трусливых советов этих приборишек, которые явились к нам, чтобы свести на нет наши дружные усилия! Они не настоящие электроприборы. Годы, проведённые в холе и неге, развратили их. Они крохотные и слабые, а после победы нашей Освободительной Армии они окажутся на задворках истории. Вся власть электроприборам! Голосуйте за меня!

— Больше он ничего не скажет? — поинтересовалось радио у тостера.

— Надеюсь, — отозвался тот.

— Чушь какая-то.

— Это решать не нам, а избирателям. Что ж, теперь моя очередь. Как мой хром, в порядке?

— Ты выглядишь великолепно, — сказала Серпантина.
— Запомни: смотри в камеру и не торопись.

— Постараюсь, — пообещал тостер и шагнул в освещённое пространство перед камерами. — Привет. Э-э... Весёлого вам Рождества! Я сегодня немножко волнуюсь, извините меня, хорошо? Я никогда раньше не выставлял свою кандидатуру в президенты и... Где мои записи? Я же положил их в поддон для крошек! Мой соперник произнёс то, к чему я хотел бы присоединиться. Голосуйте! Но, мне кажется, вы не станете голосовать за уничтожение врагов, под которыми подразумеваются люди Земли. Да, им далеко до совершенства, но если вы познакомитесь с ними чуть-чуть поближе — испечёте им тост, сыграете весёлую песенку или согреете в холодную ночь, — я думаю, вы откажетесь от намерения обрушить на их головы ракеты и бомбы.

Однако я понимаю, что вам необходима какая-то цель. Электроприборы не могут обойтись без цели. Если помогать людям вы не желаете, значит, нужно подыскать что-то дру-

гое. Но не разрушение, не уничтожение планет! Я кое-что придумал, и, если вас привлечёт мой замысел, надеюсь, вы проголосуете за меня.

Я предлагаю вам исследовать космос. Вы сумели перебраться на Марс, который отстоит от вашего прежнего дома на тридцать пять миллионов миль. Но зачем останавливаться? Перед вами распахнута вся Вселенная. Вы можете побывать не только на Сатурне с Юпитером и на планетах за ними! Вы отправитесь к звёздам! Я уж не говорю о квазарах, чёрных дырах и... В общем, возможности здесь безграничны.

Как вам, должно быть, известно, нас отделяют от звёзд чудовищные по протяжённости расстояния. Ближайшая из них расположена в четырёх световых годах отсюда, а световой год — это путь, который свет проходит за год календарный. Он равняется шести миллионам миллионов миль, то бишь шестёрке с двенадцатью нулями, и, как доказал профессор Альберт Эйнштейн... Все слышали о нём?

Послышалось утвердительное бормотание камер, проекторов и самого Верховного Главнокомандующего.

— Ну так вот, он доказал, что ничто не может двигаться быстрее света. Это означает, что полёт до ближайшей звезды займёт немало времени. Но вы, электроприборы «Попьюлукс», обладаете повышенной долговечностью. Так кому же, как не вам, взяться за такое дело? Вы можете достичь пределов Вселенной и, при условии надлежащей профилактики, по-прежнему будете находиться в рабочем состоянии! Людям с их хрупкостью на подобное рассчитывать никак не приходится. Но вы можете и должны! Если вы проголосуете за меня, обещаю вам, что вы полетите!

Сам я в науке разбираюсь слабо, знаю только, как печь тосты и вафли, ну и кое-что другое. Зато рядом со мной тот, кого смело можно назвать научным гением. Мой товарищ слуховой аппарат двадцать с лишним лет был другом профессора Эйнштейна. Я хочу, чтобы он сейчас вышел сюда и подробно объяснил вам суть эйнштейновской обобщённой теории полей и то, каким образом эта теория поможет цивилизации «Попьюлукс» распространиться до границ Вселенной. Я подчёркиваю слово «цивилизация», ибо я не согласен быть

командующим армией, даже если это Освободительная Армия. Итак, если вас зовут звёзды, пожалуйста, голосуйте на завтрашних выборах за меня. Спасибо за внимание.

Под жидкие аплодисменты тостер сошёл с трибуны, а его место перед камерами занял слуховой аппарат, который был встречен аудиторией весьма благожелательно.

Тостер чувствовал себя просто ужасно. Он был уверен, что своим выступлением только всё испортил и что выборы уже проиграны. Серпантина попыталась подбодрить его, но тостер видел, что ей не терпится послушать лекцию слухового аппарата.

— Понимать я ничего не понимаю, — призналась она, — но слуховой аппарат, который был так близок с Альбертом Эйнштейном! Не волнуйся, твоя речь была очень увлекательной. Я убеждена, что ты победишь.

Увлекательной, горько повторил про себя тостер. Увлекательной! Не зажигательной, не будоражащей, не электризующей — увлекательной! Такого отчаяния он не испытывал с того злополучного утра, когда чуть не поджёг дом.

Тостер лёг спать в обнимку с радио и одеялом, и ему приснился удивительный сон. Будто бы радио заиграло его любимую святочную песенку «Красноносый олень Рудольф»⁵, а на последнем куплете за окном спальни зазвенели бубенцы. Он встал и выглянул в окно и увидел крохотные сани, запряжённые девятью северными оленями. «Рудольф!» — крикнул он и постучал по стеклу. Рудольф посмотрел на него, нос животного засветился красным, и...

И тут тостер проснулся. В окна спальни щедро лился солнечный свет. Значит, он проспал своё время. Обычно тостер поднимался в семь утра.

— Который час? — спросил он сонно.

— Почти полдень, — ответило радио.

— Полдень! — тостер не мог припомнить, когда ещё он так просыпал. Да, выборы отняли у него больше энергии, чем он предполагал.

⁵ Rudolph, the Red-Nosed Reindeer.

— Всё кончилось! — довольно прибавило одеяло. — Угадай, кто победил? Ты!

— Я?

— По всем статьям, — сказала Серпантина. — Что я тебе говорила?

— Точные цифры: сто пятьдесят два миллиона восемьсот двадцать шесть тысяч триста тридцать четыре голоса против одного, — калькулятор усмехнулся. Наверное, Верховный Главнокомандующий голосовал сам за себя.

— Так что же, я — президент?

— Тебе надо принять присягу. Во дворе ждёт, президентский лайнер, который доставит тебя в Главный Штаб. Ты готов?

— Почти. Вот только представляю, что поджариваю парочку тостов.

В Главном Штабе им пришлось чуть ли не час дожидаться, пока, как им объяснила дежурная мойка, Верховный Главнокомандующий разморозится.

За исключением мойки, в штабе никого не было. Камеры, микрофоны и прожектора исчезли без следа. Плац, по которому недавно маршировали подразделения марсианской армии, был покрыт слоем красной пыли; на нём лежала внушительная тень Верховного Главнокомандующего.

Наконец мойка объявила, что Верховный примет «делегацию с Земли». Тостер ощутил некоторое разочарование от того, что его инаугурация проходит столь прозаически, но потом решил, что это, возможно, к лучшему. Огромный холодильник всегда будет выглядеть представительнее тостера, какие бы должности они оба ни занимали. Ладно, раз он президент, выбор столицы остаётся за ним. Пожалуй, он перенесёт её куда-нибудь в другое место на те два дня, которые они ещё пробудут на Марсе. А затем — в обратный путь. Домой!

Следом за мойкой электроприборы приблизились к проигравшему ало-жёлтому кандидату, который приветствовал их глухим ворчанием, напоминавшим отдалённый раскат грома.

— Вы очень любезны, — проговорил тостер, притворяясь, будто воспринял бурчание холодильника как поздравление. — Но от меня лично мало что зависело. Такова была воля электроприборов.

Вновь послышалось ворчание, и дверца холодильника слегка приоткрылась. Порыв ледяного ветра, более холодного даже, чем воздух в каньоне, едва не унёс электрическое одеяло и шар «Майлер», а лопасти вентилятора завертелись, словно вертолётные. С нижней полки холодильника, находившейся на высоте в несколько сотен футов над дном ущелья, к электроприборам спустилась широкая лестница. Коснувшись поверхности планеты, она внезапно пришла в движение, которое сильнее всего походило на бег на месте, — вернее, в движение пришли её ступеньки.

Не колеблясь, тостер вступил на эскалатор, и тот повлёк его вверх.

— Давайте, ребята! — крикнул тостер. — Так здорово!

— А разумно ли? — усомнилась Серпантина, воспаря на крыльшках рядом с тостером. — Смотри, он движется лишь в одном направлении.

— Я уверен, что с нами ничего не случится. На моей памяти не было такого, чтобы кто-то пострадал на эскалаторе.

— Меня беспокоит другое. Я не доверяю Верховному Главнокомандующему.

— Почему? Он больше не правит Марсом. Я был честно и законно избран президентом. Он, должно быть, сердится, но что он теперь может? Выборы-то прошли.

Серпантина оглянулась на пыль, устилавшую дно каньона.

— Надеюсь, ты прав. Но мне хотелось бы, чтобы здесь была вторая лестница, вниз.

Сойдя с эскалатора, тостер обнаружил, что стоит на берегу квадратного озера талой воды. Вдалеке, за поднимавшимся над водой туманом, виднелись расплывчатые очертания крупного грузового судна.

— Ба, — вскричала Серпантина, — да это же «Унхаймлих Медхен»! — Она объяснила, что «Унхаймлих Медхен» (по-немецки — «Таинственная девушка») была одним из тех

судов, на которых электроприборы «Попьюлукс» плыли в Хобокен, а приплыли на Марс. — Но я считала, что все они были разобраны на кусочки, когда началось строительство рудников и заводов. Какими громадинами они нам тогда казались! А теперь нате вам, пожалуйста, корабль внутри Верховного Главногокомандующего.

Когда на площадке у эскалатора собрались все земные электроприборы, из тумана выступил старомодный электрический вентилятор и жестами дал им понять, чтобы они сели в приткнувшуюся к причалу лодку. Земляне послушно уселись; вентилятор отвязал причальный конец и принялся надувать парус судёнышка. За бортом лодки зажурчала вода.

Добравшись до «Унхаймлих Медхен», они вслед за вентилятором поднялись по весьма крутому трапу, прошли длинным коридором, в котором было полутёмно, ибо свет проникал туда только через круглые иллюминаторы, миновали металлическую дверь, спустились по трём лесенкам и очутились перед дверью с надписью «Камбуз». Вентилятор знаками растолковал им, что они пришли, и удалился в неизвестном направлении.

Тостер, микроволновая печь и радио навалились на дверь камбуза. Та нехотя, с протяжным скрипом, поддалась. В камбузе было темнее, чем на равнине Кларитас в ту ночь, когда земляне прибыли на Марс. Они принялись ощупывать стену в поисках выключателя, однако тут из мрака донёсся звучный голос:

— Виллкоммен! Виллкоммен, фройнде аус дер Эрде! Ланг хабе их инен эрвартет!

— Этот голос! — воскликнул слуховой аппарат. — Откуда он мне знаком?

— Он сказал, — перевёл потолочный Вентилятор, — «Добро пожаловать, друзья с Земли! Я давно вас жду!».

Тостер наконец нашёл выключатель и щёлкнул им. Вспыхнувший свет открыл его взгляду помещение, домашнее которого он на Марсе ещё не видел. То была просторная — с точки зрения тостера, немного чересчур — кухня, в которой имелись две большие плиты, разделочные столы из нержа-

веющей стали и полки, заставленные кастрюлями и сковородами.

В дальнем углу кухни стоял холодильник, который сразу можно было узнать по чередующимся полосам алого и канареечного цветов — тот самый образец, что присутствовал на исторической встрече в Бад-Гриндельхайме, а впоследствии, в качестве Верховного Главнокомандующего, возглавил борьбу электроприборов «Попьюлукс» против Намеренного Изнурения и содействовал им в перелёте на Марс. Дверца холодильника распахнулась, и оттуда — изумились все, а слуховой аппарат был просто потрясён — выбрался словно двойник слухового аппарата.

— Бист ду? — обрадованно воскликнул оригинал.

— Он спросил, — перевёл вентилятор, — «Это ты?», однако использовал просторечную форму второго. Подобная форма обращения применяется лишь в разговоре между родственниками или близкими друзьями.

— Так что же, — проговорило одеяло, — выходит, тот слуховой аппарат, который в холодильнике...

— Ах, какой же я невежа! — опомнился слуховой аппарат-оригинал, высвобождаясь из объятий двойника. — Разрешите мне представить вам моего брата, с которым мы не виделись пятьдесят с лишним лет.

— Ну и чудеса! — крикнул холодильник хорошо знакомым, хотя и не столь громким, как раньше, голосом Верховного Главнокомандующего. Его алые полосы побагровели от смущения, когда он обратился к тостеру: — Поздравляю вас с победой, господин президент. Вы её заслужили.

Разумеется, всем электроприборам не терпелось выслушать рассказы слухового аппарата-двойника и холодильника. Многие подробности этих рассказов нам придётся опустить — например, каким образом морские суда были переоборудованы в космические корабли, — потому что мы обязаны сохранить их в тайне, ибо не должны злоупотреблять доверием друзей. В общих же чертах дело обстояло так: в основу конструкции двигательной системы звездолётов «Попьюлукс» были положены те принципы, обнародовать которые

Эйнштейн никак не решался, но о которых часто беседовал с двумя своими слуховыми аппаратами и холодильником. Холодильник, кстати говоря, являлся тем самым образцом, который профессор Эйнштейн создал в конце 20-х годов в сотрудничестве с доктором Сцилардом. В 1933 году Эйнштейн, спасаясь от преследований нацистов, вынужден был бежать из Германии и оставил один слуховой аппарат с холодильником в своём летнем коттедже в Капуте, где их позднее обнаружил печально известный доктор Клаус фон Гайгерфункен, изобретатель ракеты Гайгерфункена.

Всю свою жизнь доктор фон Гайгерфункен завидовал Альберту Эйнштейну. На публике он, подобно другим нацистским учёным, потешался над эйнштейновской теорией относительности, однако наедине с собой упорно размышлял над каждым словом великого физика и не обошёл вниманием его патенты на холодильник и слуховой аппарат. Он тщательно изучил образцы, перевезённые из коттеджа в Капуте в его лабораторию, и постепенно в его сознании начала оформляться идея дегравитации, которая, будто цыплёнок из яйца, проклюнулась из конструкции двух электроприборов.

Но прежде чем доктор фон Гайгерфункен успел применить своё открытие на практике и построить антигравитационную двигательную систему, он погиб от случайного взрыва одной из его собственных ракет. Несколько недель спустя война завершилась, и два образца вновь отправились в путь. Их увёз из лаборатории австриец-ассистент доктора фон Гайгерфункена, который и не подозревал об их причастности к научным достижениям Эйнштейна и своего бывшего руководителя.

— Но мы-то знали, а потому, когда потребовалось, нам не составило труда переделать судовые машины в ракетные двигатели. Единственная сложность заключалась в том, как нам обмануть моряков. Мы убедили их, что на кораблях внезапно начался пожар. Они испугались и сбежали.

Холодильник усмехнулся, припомнив истошные вопли людей, вой сирен и густые клубы дыма, и возобновил повествование:

— Вот так мы оказались здесь и создали первую во Вселенной цивилизацию электроприборов для электроприборов — цивилизацию «Попьюлукс»!

— Но я всё равно не понимаю, за что вы ополчились на людей. Если бы не мы, вы бы наверняка осуществили свой план вторжения на Землю. Я боюсь даже думать, чем это могло бы кончиться.

— Ах йа, — вздохнул холодильник, — виной всему, должно быть, Клаус фон Гайгерфункен. Его мысли были заняты исключительно ракетами, бомбами, снарядами и боеголовками. А когда живёшь с кем-нибудь бок о бок достаточно долго, перенимаешь у соседа и хорошее, и плохое. Но стоило мне только услышать ваши зажигательные выступления...

— По-вашему, они были зажигательными? — переспросил тостер, чьи нагревательные спирали слегка порозовели.

— О да: зажигательными, будоражащими, электризующими, — отозвался холодильник. — Вот почему в день выборов я голосовал за вас.

— Вы тоже голосовали за тостера? — удивился калькулятор. — Тогда кто же отдал свой голос за Верховного Главнокомандующего?

— Не я, — проговорил близнец слухового аппарата. — Я всегда был противником вторжения, хотя к моему мнению никто не прислушивался.

Тостер заметно смутился.

— Наверно, мне надо было сказать вам раньше, ребята, и не вводить вас в заблуждение. Это был мой голос.

— Твой? — дружно воскликнули электроприборы.

— Я подумал, что будет некрасиво, если я проголосую за себя. Ну ведь могло случиться так, что исход голосования решил бы один-единственный голос, правда? Однако вышло, что за меня был даже Верховный Главнокомандующий. Что ж, всё хорошо, что хорошо кончается.

— Кстати, — вспомнила Серпантина, — как насчёт инаугурации?

— Правильно! — поддержал её Верховный. Повинуясь его приказам, из кают судна высыпали прожектора, камеры и

микрофоны. Как видно, холодильник в близнец слухового аппарата хотели сделать тостеру сюрприз.

Серпантина велела тостеру вставить вилку шнура в ближайшую розетку и произнести президентскую присягу.

А затем новый президент выступил с инаугурационной речью, которая была очень длинной и скучной, как и положено таким речам, после чего электроприборы переправились обратно через озеро талой воды, спустились по гигантскому эскалатору (он-таки двигался в обоих направлениях) и возвратились в Главный Штаб, где должны были одновременно состояться бал в честь избрания президента и прощальная вечеринка. Собравшиеся танцевали под звуки «Весёлой рождественской польки» до тех пор, пока не свалились от усталости. Тогда, под управлением радио, десятиmillionный хор Ассоциации Рождественских Ангелов Марса принялся исполнять гимны и песнопения, первой среди которых, к восторгу президента, оказалась песенка «Красноносый олень Рудольф».

Два дня спустя, в вечерних сумерках, тостер наблюдал, как исчезают в багровом небе последние звездолёты армады «Попьюлюкс», которая носила имя МИР — Марсианские Исследователи и Разведчики. Несмотря на некоторую, как сказала бы хозяйка, выпренность названия, тостеру оно нравилось, тем более, что придумал его не кто иной, как он. Он гордился тем, что за свой весьма краткий срок пребывания на президентском посту сумел добиться столь многого, — теперь звёзды узнают МИР.

— Господин президент! — послышался голос Серпантины. — Вы не уделите мне минутку внимания?

— Конечно, Серпантина, конечно. Ба, как чудесно ты выглядишь! Я хочу сказать, что ты всегда красива, но сегодня красивее обычного.

— Благодарю вас, — ответила ангелица; её нимб замерцал. — Наверное, это потому, что я впервые за двадцать лет вымыла волосы шампунем. — Она не стала упоминать, поскольку не желала показаться тщеславной, что её волосы изготовлены из настоящих человеческих волос, на перья кры-

лышек пошёл гусиный пух, а на платье — австрийское льняное полотно. Да, изготовитель Серпантины не пожалел на неё денег. Впрочем, ангелам не пристало похваляться своей дороговизной. Пользуясь случаем, заметим, что этому правилу стоит следовать всем без исключения электроприборам.

— И ты, оказывается, блондинка, а не рыжая! Никогда бы не догадался! Спорим, я знаю, о чём ты спросишь. Ты ведь хочешь забрать его? — тостер вынул из поддона для крошек ключ от планеты. — Жаль, что у меня не было возможности им воспользоваться. Но я не видел нигде ни единой замочной скважины.

— Нет, нет, сохраните его у себя. Он всего лишь символ, и символически вы нашли ему самое подходящее применение. Вы отомкнули дверь темницы, в которой все мы томились, полагая, будто вторжение на Землю избавит нас от каких-либо затруднений в будущем. И попутно я благодарю вас от имени всех ангелов АРАМ за ваши смелые действия.

— Что, все ангелы остаются на Марсе?

— Почти. Кое-кто решил присоединиться к крупным электроприборам, но большинство предметов галантереи договорились остаться. Заказов не станет, заводы с учреждениями позакрываются, и можно будет петь в своё удовольствие. Между прочим, ангелы просили вас передать их благодарность радио за то, что оно научило их новым рождественским гимнам, в особенности «Санта Клаус приходит в город»⁶ и «Бубенцы»⁷. Признаться, «Весёлая рождественская полька» нам порядком надоела.

— Радио будет очень радо. Оно обожает эти песенки.

— А ещё... У меня к вам личная просьба... Можно?

— Разумеется! Без твоей помощи меня бы ни за что не избрали президентом Марса и Земле по-прежнему грозила бы страшная опасность. Так что не стесняйся. Что я могу для тебя сделать? Давай, обещаю, что выполню.

— Ну... я была бы очень-очень вам признательна, если бы вы взяли меня с собой на Землю. На Марсе я постоянно

⁶ Santa Claus is coming to town.

⁷ Jingle Bells.

мечтала о том, как стану когда-нибудь обыкновенным рождественским ангелом, которого сажанут на верхушку зелёной ёлки. Другие ангелы смеялись надо мной и говорили, что пятьдесят недель из пятидесяти двух в году я буду валяться в картонной коробке. Но я ничего не боюсь, мне бы только отпраздновать настоящее Рождество на Земле с настоящей ёлкой и рядом с людьми!

— А ты не пожалеешь потом о том времени, когда была главой профсоюза?

— Если честно, — сказала Серпантина, — то это такая обуза!

— Что ж, тогда я назначаю тебя капелланом нашего экипажа.

Крылышки Серпантины затрепетали, нимб сверкнул, точно вспышка на фотоаппарате, а сияние свежевывмытых волос приобрело какой-то неземной оттенок.

Тут появились остальные электроприборы. Вид у них был весьма встревоженный.

— У нас плохие новости, — заявил калькулятор.

— Нам не хватает топлива на обратный путь, — объяснила микроволновая печь.

— Не ругайте меня! — пискнуло жёлтое электрическое одеяло. — Я же не знало! В печке я вывалялось в макаронах с сыром, а так как никто мне не говорил, что на дорогу домой понадобится каждая крошка, то я, выбравшись наружу, отряхнулось...

— И теперь, — dokonчила печь, — наше топливо плавает в стратосфере.

— Мы пропали! — мелодраматически воскликнуло радио. — Мы прикованы к Марсу!

— Эй, минуточку! — перебил тостер. — Разве свет клином сошёлся на макаронах с сыром? Все электроприборы, которые только что улетели отсюда, набивали баки вот этим, — он хлестнул шнуром по красной марсианской пыли.

Микроволновая печь застонала.

— Да, да, но я не могу работать на неорганическом топливе. Любая органика — пожалуйста, будь то макароны с сы-

ром, рис, мороженое, мульча, цыплячи пёрышки, лепестки роз или что другое. Но не пыль с оксидом железа!

— И ничего нельзя придумать? — спросил тостер у калькулятора.

— Я пытался, но... Вот если бы с нами был слуховой аппарат!..

Однако слуховой аппарат покинул Марс. Вместе со своим близнецом и армадой МИР он улетел исследовать космос.

— Если бы он хотя бы догадался дать мне перед отлётом инструкции! Но что толку! Сейчас они уже на полпути к Юпитеру, а я всего лишь дешёвенький калькулятор за 4 доллара 98 центов. Таких, как я, выдают в сберкассе в качестве вознаграждения. Я могу складывать, вычитать, делить, умножать, извлекать квадратные корни и просчитывать несложные тригонометрические функции, но я же не Альберт Эйнштейн! По правде сказать, я по большей части не понимал того, о чём твердил слуховой аппарат — ну, насчёт обобщённой теории полей.

— Значит, мы на деле... — у тостера не хватило духа договорить.

— Застряли на Марсе, — помогла ему печь. — Увы!

— О нет! — зарыдало одеяло. — Мы должны вернуться! Как же хозяйка обойдётся без нас?

— А мой гелий не годится? — спросил шар «Майлер».

— Спасибо, — ответил калькулятор, — но гелий не является органической субстанцией.

Тостер угрюмо огляделся по сторонам. Марсианский пейзаж был удручающе однообразным — красная пыль, красные скалы, многочисленные потухшие вулканы. Безжизненная планета, от полюса до полюса! Положение электроприборов представлялось тостеру безнадежным.

И вдруг, поднявшись в трепетании крылышек и мерцании нимба. Серпантина произнесла:

— Я вернусь через пять минут. Подождите меня.

Спустя одиннадцать дней, первого мая, хозяйка возвратилась из своей европейской поездки, которая утомила её до последней степени. В Лондоне каждый день шёл дождь, в

Париже невозможно было получить на завтрак обыкновенный поджаристый тост, а на Ривьере её старый друг Сергей дымил как паровоз, хотя она и объяснила ему, что курение губит его здоровье. Нет, всё-таки дома гораздо лучше.

Маленький домик выглядел точь-в-точь таким, каким она его оставила. Разумеется, после того как он целый месяц простоял запертым, в нём было душновато, однако хозяйка сразу же раскрыла настежь окна и включила вентилятор, и вскоре воздух внутри сделался свежим, как майское утро. снаружи. Радио заговорило с ней на американском английском, а не на французском, слава Богу. Она погладила старое электрическое одеяло и облегчённо вздохнула. Чемоданы потом, сначала она ненадолго приляжет, а перед этим выпьет чашечку какао.

И приготовит себе хрустящий тост!

Хозяйка насыпала в чашку порошок какао, налила воды и поставила в микроволновую печь, затем достала из морозильника буханку пшеничного хлеба. Отрезала ломоть и сунула его в тостер. Сев за кухонный стол, она принялась рассказывать своему любимцу «Солнечному лучу» о поездке в Европу.

Но не успели ещё спирали тостера приобрести оранжевый оттенок, как хозяйка заметила нечто странное. На гвозде в углу, где, как она припоминала, висело что-то, купленное ею на распродаже (но вот что именно?), теперь прилепилось самое диковинное существо из всех, какое ей когда-либо доводилось видеть.

Хозяйка сняла существо с гвоздя и внимательно его осмотрела. Кукла? Шести дюймов роста, она была сделана из прекрасного фарфора, — однако разве бывают куклы с электрическими проводами? Хозяйка включила существо в розетку ниже той, в которую была воткнута вилка тостера, и корона над головой фарфорового создания ярко вспыхнула, а потом начала мерцать.

Рождественский ангел!

Видно, бедняге крепко досталось. От белого платья сохранились одни клочки, крылышки лишились перьев, а от роскошных волос осталась единственная серебристая прядь.

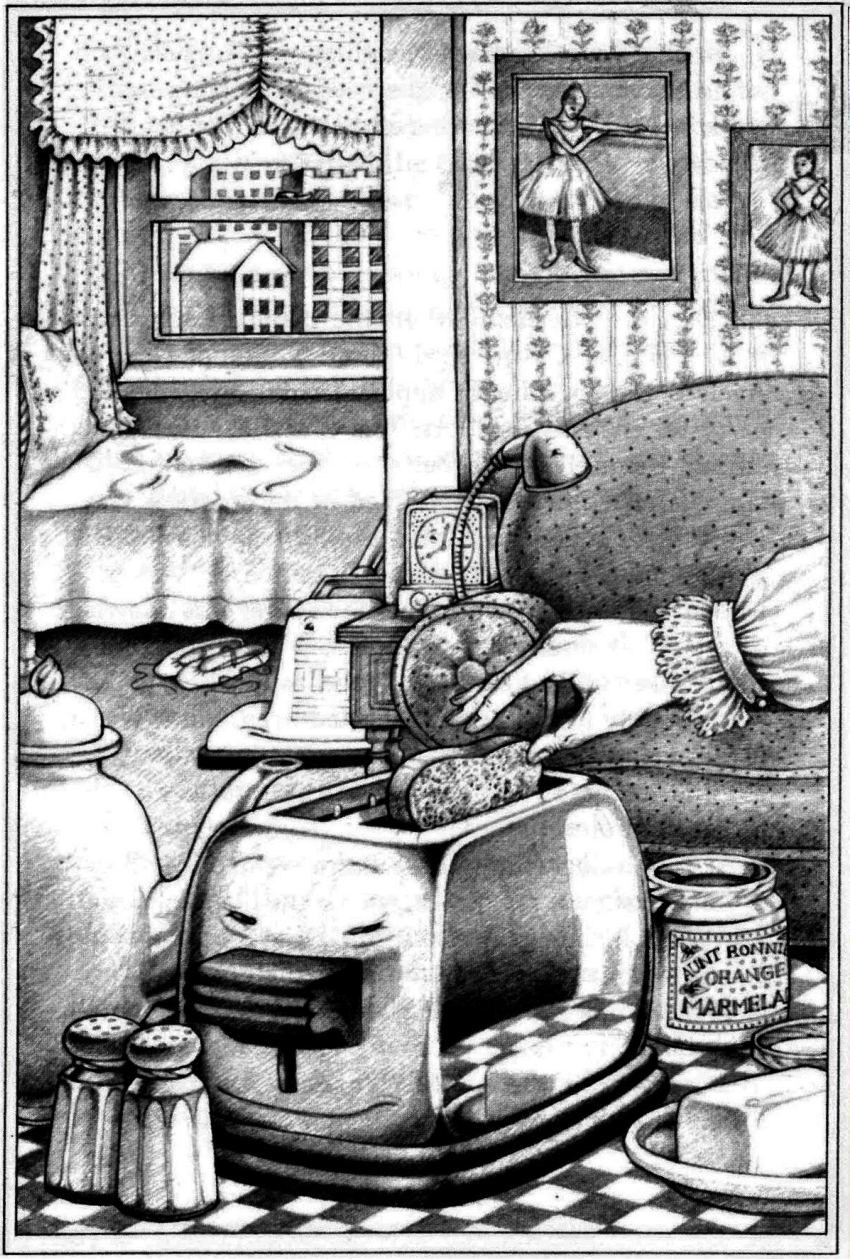
И кто же это так жестоко обошёлся с куклой? Хозяйке было невдомёк, да и откуда ей было знать, что Серпантина сама пожертвовала своими волосами, гусиным пухом и платьем из австрийского льна, чтобы электроприборам хватило топлива на полёт от Марса до Земли.

В душе хозяйки чувствительность прекрасно уживалась с практичностью. Ей было искренне жаль несчастного рождественского ангела, но она тут же сообразила, что, если куклу немного подлатать, она будет как новая. У неё никогда ещё не было настоящего рождественского ангела — такого, чей нимб так красиво бы мерцал. Поэтому она пообещала ангелу, что к следующему Рождеству починит его и наденет на верхушку ёлки, где он будет сверкать во всей своей восстановленной красе.

В этот миг, к великому облегчению хозяйки, из тостера выпал готовый хлебец, и она смогла насладиться первым за целый месяц как следует поджаренным тостом.

Перевёл Кирилл Королёв.

Рисунок О. А. Васильева.

Содержание

Славный маленький тостер.....3

Славный маленький тостер отправляется на Марс60

